

*Протоиерей Василий Заев,
кандидат богословия, доцент КДА*

История церковных расколов в Украине в XX веке

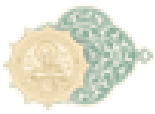
Вот уже свыше 10 лет Православие в Украине находится в состоянии раскола, что негативно отражается на духовной жизни граждан. Однако история расколов начинается отнюдь не 10 лет назад, и исследование их причин и уроков, тех параллельных явлений, которые так ясно прослеживаются в наше время в уже новейших расколах, важно для осознания их последствий в жизни Церкви.

История расколов в Православии в Украине в XX в., как и история Церкви этого периода, еще недостаточно изучена, в научное обращение привлечено лишь небольшое количество существующих архивных источников по этому вопросу. Но эта тема, без сомнения, является весьма актуальной, хотя бы потому, что события церковной жизни 20–30-х годов во многих своих аспектах повторяются теперь. Политизация церковной жизни, односторонние административные решения, политические манипуляции верующими, возможно, и удовлетворяли чьи-то амбиции, но для народа все это оборачивалось лишь длительными трагедиями. История Церкви в Украине вообще не знает широких реформаторских движений. Они, как правило, инспирировались деятелями светской власти, которые в тот или иной период делали определенные политические переориентации и

пытались приспособить к ним Церковь. Этим ломались существующие церковные структуры, сталкивались различные группы верующих или конфессий, непокорные репрессировались. Так что Церковь была притесняема и гонима не только во времена сталинского тоталитаризма¹.

История возникновения расколов в 20-е годы была бы в значительной степени непонятна, если ее начать с описания уже самого факта того или иного раскола и не принимать во внимание движения за реформу Православной Церкви и обновление церковной жизни, которое началось еще во времена первой русской революции 1905—1907 гг. и событий 1917—1920-х гг. Еще 12 декабря 1904 г. царское правительство пообещало ввести закон о веротерпимости. В ответ митрополит Петербургский Антоний (Храповицкий) в записке царю заметил, что такой закон поставит Православную Церковь (которая, несмотря на свое положение государственной Церкви, уже почти 200 лет подчинялась светской власти и возглавлялась Св. Синодом) в неравное положение: другие религии будут пользоваться свободой, только Православная Церковь останется стесненной мелочным контролем со стороны государства. Он просил разрешения созвать всеправославное совещание духовенства и мирян, но без представителей правительства, для выработки системы автономного существования Церкви и освобождения ее от “прямой государственной или политической миссии”. Записка предлагала вернуть приходу статус юридического лица, дать священникам право участвовать в работе земств и т.д. На основе этой записки глава правительства Витте созвал совещание по церковным вопросам с участием епископа Сергия (Страгородского) и нескольких профессоров богословия. В результате появилась “Первая записка Витте”, одним из главных авторов которой был тот же епископ Сергий. Записка осуждала синодально-обер-прокурорскую систему, требовала немедленного

создания Поместного Собора духовенства и мирян для обновления и освобождения всего церковного организма. Синод принял еще более радикальное обращение к царю, требуя немедленно созвать Собор и выбрать Патриарха. Но Собор так и не был созван до 1917 г. Епархиальные архиереи тоже требовали широких изменений — отделения Церкви от государственной бюрократии, децентрализации Церкви делением ее на самоуправляющиеся митрополии, самоуправления приходов, выборности священников прихожанами, литургической реформы и др.²

Общего для 1905—1907 гг. революционного радикализма не избежали и некоторые представители духовенства. Так, в 1905 г. 32 петербургских священника, объединившись в “Союз церковного обновления”, подали митрополиту Антонию две записки, которые содержали требования отмены монашества епископата, отмены всех внешних наград в Церкви, участия приходского духовенства и мирян в управлении Церковью для ее очищения от клерикализма, выборности духовенства на всех ступенях, отделения Церкви от государства, максимального участия Церкви в общественной жизни. Для этого времени вообще было характерно увлечение многих священников, монахов и богословов христианским социализмом³.

Некоторые священники в Украине воспринимали национальную идеологию партий социалистического направления. Такой была, например, раскрытая властями винницкая “сельская антиправительственная группа”, которую возглавлял священник П. Видул и С. Клементович. Она пропагандировала идеи Революционной Украинской партии, добавляя к ним требования церковной автономии. Группа, организованная в Полтавском уезде священником А. Геращенко, стояла на платформе демократической партии (УДП)⁴. Впрочем, такие случаи были, скорее, исключением.

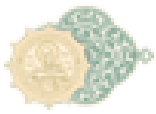
В 1906 г. в Харькове была также создана группа (5 чело-

век) священников-обновленцев. Она, в частности, пропагандировала “свободное объединение автономных церквей” и “полное удовлетворение идеалов малороссов в России”, но эта группа не имела поддержки в среде духовенства. Группа была арестована⁵.

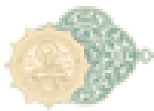
После Февральской революции 1917 г. на протяжении 1917—1920 гг. в Украине были созданы три национальных правительства — Центральная Рада (март 1917 г. — 29 апреля 1918 г.), Гетьманат Павла Скоропадского (29 апреля — 14 декабря 1918 г.) и Директория (14 декабря 1918 г. — ноябрь 1920 г.). Их церковная политика имела большое значение в последующем развитии событий в жизни Церкви и в возникновении расколов. Социалистическая (и атеистическая) в своем большинстве Центральная Рада, хотя и не пыталась полностью ликвидировать Церковь, как это делали большевики, не придавала церковной политике особенного значения. Фактическое пренебрежение правительства по отношению к Церкви было продемонстрировано в Киеве незаконными реквизициями монастырских зданий, например, Михайловского Златоверхого, Киево-Печерской Лавры и Митрополичьего Софийского Дома⁶. Центральной Радой в январе 1918 г. был создан отдельный государственный орган регулирования церковной жизни — Департамент исповеданий, во главе которого был поставлен бывший епископ Красноярский Никон — Николай Безсонов, сложивший с себя сан весной 1917 г. Это было оскорблением Церкви и компрометацией власти. Высшее церковное руководство не признавало Департамент, за исключением вопросов материальной поддержки духовенства со стороны государства⁷.

Что касается идеи автокефалии, то в годы первой русской революции требования независимости Православной Церкви в Украине наряду с отделением ее от государства появляют-

ся в программах некоторых политических партий, но о движении за автокефалию Церкви, как о реальной силе, можно говорить лишь со времени Февральской революции 1917 г.⁸ Во время этой революции первыми начали провозглашать автокефальные лозунги в своих выступлениях не церковные деятели, а представители социалистических партий⁹. Движение за церковное обновление в Украине не сразу приобрело национально-политический характер. Например, один из главных деятелей УАПЦ, “митрополит” В.Липковский, отмечал, что в начале революции 1917 г. духовенство и миряне на церковных собраниях группировались по принципу не национальности, а идеологии, но, поскольку *“в государственной жизни на Украине... чисто национальная сторона выпячивалась с каждым разом сильнее, это не могло не отразиться и на Церкви”*¹⁰ (курсив мой — В.З.). Итак, как и во многих других православных странах, зарождение движения за автокефалию Церкви было прямо связано с политическими обстоятельствами.

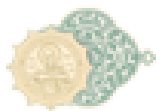
Революционный радикализм того времени проявлялся и в том, что во многих епархиях были случаи арестов непопулярных архиереев, известных своей активной приверженностью старому режиму или связями с Распутиным. В епархиях происходили чрезвычайные епархиальные съезды, и непопулярные архиереи провозглашались устранными с кафедр, о чем съезды посылали прошения в Синод. Последний увольнял их “на покой”, а вакантные кафедры замещались в выборном порядке¹¹. Такие съезды прошли в первой половине 1917 г. во всех епархиях Украины, хотя и против воли епископата. Почти везде были поставлены требования широкого участия мирян и низшего духовенства в церковной жизни через систему Советов (приходских, епархиальных и, наконец, до Церковного Собора) и выборности духовенства (включительно с епископатом). Такое широкое “революционное” движение

в Церкви было обусловлено значительным влиянием мирян, которые до 1917 г. не принимали участия в съездах духовенства, а теперь переносили новые веяния светской жизни на церковную¹².

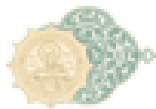
Но волна выступлений против местных архиереев, которая поднялась весной 1917 г., когда в церковной жизни активизировались миряне и определенный круг духовных лиц-реформаторов, фактически захлебнулась, даже приобрела обратное направление летом-осенью 1917 г. Причиной стал вполне очевидный факт, что революционные движения были направлены не только против епископата, а и против всего духовного сословия как символа и традиционного представителя старого строя. Это привело к массовым смещениям священников, особенно в селах. Миряне брали управление приходами в свои руки, сами назначали и смещали священнослужителей. Все это привело к резкому повороту низшего духовенства “вправо” и нового объединения с епископатом и консервативным течением. Свидетельством этого стали епархиальные съезды. Особенно показательной была борьба вокруг украинизации Церкви и всех сфер ее деятельности. Вопрос об украинизации на епархиальных съездах вызывал острое противостояние и во многих случаях — резкое сопротивление. Это невозможно объяснить только политическими мотивами или личным влиянием русского епископата.

Украинизация Церкви, которая начиналась с языка, не могла состояться благодаря какому-то одному волевому решению и быстрыми темпами. Важной причиной непринятия идеи украинизации была достаточно укорененная традиция литургии и сама сущность православия, которая не допускает резких изменений даже в обряде, усматривая в попытках реформы литургического языка (что изменяет символику и архитектонику священного текста) отступничество, протестантизм. В данном

случае резкие требования украинизации без соответствующей аргументации сразу вызывали органическое противление не только иерархов и священников, а и православных мирян. Насильственные методы давления с помощью светской власти давали обратный эффект. Поэтому на большинстве епархиальных съездов украинизация Церкви не была одобрена. Против выступили Черниговский, Харьковский, Одесский и Екатеринославский епархиальные съезды. За украинизацию Церкви в смысле церковной автономии и языка выступили в апреле 1917 г. съезды Волынской, Полтавской, Подольской и Киевской епархий. На Полтавском съезде преобладала украинская группа, которую возглавлял священник Феофил Булдовский, будущий глава БОУАЦ — одной из раскольнических “церквей” 20–30-х гг. Подольский съезд состоялся во времена “большевизации” края без участия епископата и значительной части духовенства при участии случайных лиц и радикальной молодежи. Однако уже следующие съезды в этих епархиях не поддерживали идеи украинизации или значительно ограничили ее сферу¹³.

Даже Киево-Печерская Лавра не избежала влияния революционных настроений на ее насельников. На собраниях братии выдвигались требования выборов всех должностных лиц на общих собраниях, одинакового материального содержания для всех, смещения наместника архимандрита Амвросия (Булгакова) и выселения Киевского митрополита Владимира из монастыря, а также выхода Лавры из-под его власти. В августе 1917 г. в Лавру прибыл на поселение смещенный правительством по просьбе съезда Владимирской епархии за связи с Распутиным и его окружением архиепископ Алексей (Дородницын). Он сразу же присоединился к реформационным церковным движениям и склонялся к украинизации. Это дало новый толчок волнениям в монастыре. Когда митрополит Владимир после интронизации Патриарха Тихона вернулся из Москвы, братия от-

крыто митинговала. На собраниях монахи громко критиковали митрополита за самоуправство и деспотизм, неконтрольные траты монастырских средств. Вскоре братия переизбрала наместника¹⁴.

Осенью 1917 г., когда начала формироваться украинская армия, проходили военные съезды в Киеве. На III таком Всеукраинском съезде в 20-х числах октября, после постановления о независимости Украины, было принято постановление и об автокефалии Украинской Церкви¹⁵. 6 декабря (23 ноября) 1917 г., после провозглашения 20 (7) ноября Центральной Радой 3-го универсала о создании УНР, была создана Временная Всеукраинская Православная Церковная Рада (ВПЦР), которая должна была подготовить проведение Всеукраинского Православного Церковного Собора¹⁶. В ее состав вошли члены Комиссии по созыву Всеукраинского Собора, избранные на Киевском епархиальном съезде, Комитет, избранный на III военном съезде и представители от украинских организаций. Председателем избрали военного священника Александра Маричева, товарищем председателя — полковника Цвичинского. Во главе должен был быть епископ Уманский Дмитрий (Вербицкий), но он отказался из-за того, что Рада создавалась явно в противовес митрополиту и иерархии. Почетным председателем ВПЦР согласился стать уже упомянутый неправящий архиерей Алексей (Дородницын). В состав Рады вошли около 60 человек, среди них 15 священников, 8 диаконов и три профессора КДА — священники-украинцы и представители либерально настроенной интеллигенции.

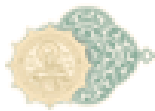
ВПЦР провозгласила себя временной высшей церковной властью в Украине до созыва Всеукраинского Собора. Такой шаг являлся перенесением на церковную жизнь методов революционной борьбы политических партий и зеркальным отражением изменений в светской жизни того времени. С точ-

ки зрения церковных канонов эту акцию оправдать и объяснить никак не возможно. Несмотря на реальную ситуацию и настроения в Церкви, Рада пыталась форсировать события и внести кардинальные изменения в организацию и жизнь Церкви. Своей целью ВПЦР поставила провозглашение автокефалии Украинской Православной Церкви и ее общей украинизации¹⁷. Она рассылала приказы в епархиальные консистории о прекращении поминовения за богослужением Патриарха и прекращении отношений с Русской церковной властью, а за управлением в епархиальных духовных консисториях должны были надзирать назначенные в них ВПЦР комиссары. Вскоре после этого, 21 декабря, ВПЦР отправила от себя делегацию к Киевскому митрополиту Владимиру с предложением покинуть Киевскую кафедру и Киев¹⁸. 23 декабря ВПЦР распустила старую Киевскую духовную консисторию, назначив ее новый состав.

12 декабря 1917 г. делегация от ВПЦР побывала на приеме у Патриарха Тихона в Москве, чтобы взять разрешение на проведение Всеукраинского Собора. Патриарх и Всероссийский Собор, не желая допустить самочинного собора, разрешили и отправили свою делегацию в Киев. Теоретически высказываясь за демократизацию церковной жизни, Рада (своим приказом о выборах) практически пыталась обеспечить украинское большинство на Соборе. Но ситуация на местах далеко не соответствовала этим намерениям. Украинское течение отражало мысли и устремления лишь незначительного числа как духовенства, так и мирян¹⁹.

Первая сессия Собора работала с 20 января по 1 февраля 1918 г., но не успела рассмотреть конкретные вопросы. Она закрыла свои заседания из-за наступления на Киев большевистской армии. Во время захвата Киева большевиками в ночь с 8 на 9 февраля был убит Киевский митрополит священномученик Владимир. С самого начала в этом акте вандализма обви-

нялись две силы, ни одна из которых не взяла на себя ответственности — большевистские войска Муравьева и украинцы-автокефалисты. После его смерти управление епархией было поручено епископу Чигиринскому Никодиму, который занял достаточно жесткую позицию по отношению к правительству²⁰. Бывшие же члены ВПЦР, распущенной после открытия первой сессии Собора, создали братство свв. Кирилла и Мефодия, в состав которого вошло и много новых членов²¹.

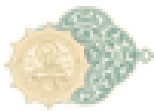
Следующим, гетьманским, правительством было создано Министерство исповеданий, где работало много представителей украинского течения в церковном движении, бывших деятелей ВПЦР²². Хотя Церковь в период Гетьманата не была отделена от государства, правительство почти не вмешивалось во внутри-церковную жизнь, оказывало Церкви финансовую поддержку. Но вопрос о придании Церкви статуса автокефальной стал для государства самым важным. Церковь же в этот период решительно отходила от старой модели подчинения государству²³.

Во время Киевского епархиального собора 19 мая 1918 г. Киевским митрополитом, вопреки нежеланию правительства, был избран Антоний (Храповицкий). Украинское духовенство не прекращало агитировать против митрополита Антония, чтобы не допустить его избрания, а потом пытаясь объявить признание выборов недействительным²⁴. Вторая сессия Всеукраинского Собора (20 июня — 11 июля 1918 г.) утвердила эти выборы и, признав невозможным присутствие на Соборе членов бывшей ВПЦР, 250 голосами против 80 проголосовала за автономию Православной Церкви в Украине в каноническом единстве со Всероссийским Патриархом. Всероссийский Собор ратифицировал эту автономию, которая, однако, была противоречивой — с одной стороны, отмечалось, что Московский Патриарх может только утверждать Киевского митрополита, избранного Украинским Поместным Собором, принимать на

него жалобы и быть апелляционным судьей для епископов Украинской Церкви; во всем остальном Украинская Церковь независима, и “высшим органом ее власти является Украинский Церковный Собор”. С другой стороны, утверждалось, что “все постановления Всероссийского Собора и Патриарха должны быть обязательными для всех епархий Украины”²⁵. Впрочем, решения Украинского Собора отражали настроения подавляющего большинства православных украинцев.

Третья сессия Всеукраинского Церковного Собора (28 октября — 16 декабря 1918 г.) известна тем, что именно на ее заседании 14 ноября назначенный 28 октября вместо В. Зеньковского новый министр исповеданий А. Лотоцкий провозгласил речь, в которой, в частности, отмечалось, что “основной принцип украинской государственной власти в том, что в независимом государстве должна быть и независимая Церковь... От имени правительства Украинской Державы имею честь объявить его твердую и непоколебимую мысль, что Украинская Церковь должна быть автокефальной”²⁶. Некоторые участники Собора и церковные иерархи заявили, что даже в большевистской России свобода Церкви значительно шире, поэтому нужно отделить и в Украине Церковь от государства. Ответ Лотоцкого был безкомпромиссным: всем желающим было предложено переселиться в Россию, а отделению Церкви (особенно с точки зрения экономии бюджета) не будет препятствий со стороны государства. Но в таком случае Церковь окажется на общем положении частных учреждений (как торговля, промышленность) и не приобретет более широких прав. Правительство решило, что в случае непринятия Собором проекта об автокефалии его следует распустить и назначить новые выборы ради укрепления “украинского элемента” среди делегатов²⁷. Это уже было прямым нарушением со стороны правительства свободы Церкви. Но в тот же день из политических соображений все прави-

тельство (в том числе и Лотоцкий) ушло в отставку, гетьман объявил о федерации Украины с будущей, небольшевистской, Россией, и вопрос об автокефалии больше не поднимался.

В. Липковский позже так оценил попытки утверждения автокефалии Украинской Церкви в 1917–1918 гг.: “Сами деятели возрождения Украинской Церкви не достаточно ясно представляли себе, с чего начинать ее возрождение. То, что они думали начать это возрождение сверху, со Всеукраинского Собора, несомненно, было ошибочным, поскольку без определенной подготовки снизу, случайная и малосознательная общественность, хотя и слишком горячая, не является основанием для церковного строительства”²⁸.

Директория, пришедшая на смену Гетьманату и опиравшаяся на те же социалистические партии, которые стояли во главе революции во времена Центральной Рады²⁹, пошла на беспрецедентный шаг в церковной политике — провозглашение автокефалии Церкви. Конечно, если исследовать историю получения автокефалии другими Поместными Православными Церквями (в России, Болгарии, Греции, Польше и др.), становится очевидной огромная роль именно государственных соображений и государственной власти в содействии этому. Беспрецедентным же этот шаг был потому, что впервые в истории автокефалия провозглашалась государственным законодательным актом, что противоречит всем церковным канонам.

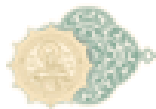
1 января 1919 г. правительство Директории, временным комиссаром Министерства культов которого был назначен уже упоминавшийся А. Лотоцкий, провозгласило “Закон о Высшей Власти в Украинской Автокефальной Православной Миротворческой Церкви”. Закон, в частности, предусматривал, что: “1. Верховная церковная власть в Украине... должна принадлежать Всеукраинскому Церковному Собору; его решения... должны быть поданы на рассмотрение и утверждение государственно-

законодательных органов. 2. Украинский Церковный Синод будет создан для того, чтобы заниматься делами Украинской Автокефальной Православной Церкви... До созыва Собора, который изберет членов Синода и подаст их список на утверждение правительству, члены Церковного Синода будут назначены Украинским... Правительством... 4. Украинский Синод будет собираться в присутствии представителя Республиканского Правительства... Представитель Государства будет иметь право передавать протесты в Совет Министров... 6. Украинская Автокефальная Церковь с Синодом и духовенством ни в коем случае не будут подчиняться Патриарху Всея Руси”³⁰. Таким образом, власть государства в Церкви должна была стать практически неограниченной.

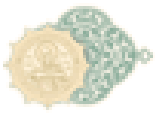
Обосновывая такую государственную политику относительно Церкви, один из министров исповеданий Директории Иван Огиенко (будущий митрополит Иларион) говорил, что “...вся Церковь против нас... Где наша Церковь? Я ее не вижу, я вижу Церковь только такую, которая идет против нас, а не за нас. Ваши мысли идут по пути отделения Церкви от Государства, но становиться на этот путь пока рано. Я стою лишь на государственной почве. Церковь, которую мы имеем, не помогает нам... Она не проявляет инициативы на пользу Украинского Государства... Как министр и защитник духовных интересов Церкви, я констатирую, что только при национальной Церкви мы будем иметь национальное государство. До этого времени государство давило Церковь, но я думаю, что эта Церковь была не украинской. Украинское государство все даст Украинской Церкви”³¹.

Считаю тут уместным процитировать соображения по этому вопросу выдающегося украинского историка, политика и мыслителя Вячеслава Липинского из его труда, написанного в декабре 1923 г.: “Не есть, я думаю, заданием Церкви — представительницы вечного, духовного, Божьего — делать за

нас временное, светское, кесарево дело (построение украинского государства)... Это наше дело, людей светских, наше государство своей силой материальной... создавать... Не та религия и церковь нам в нашей светской борьбе за Украину поможет, которая будет наиболее “национальной” и наиболее “украинской” и которая во имя “национализма” будет признавать всех наших “отаманов”,.. не та, которая в себя впитает больше всего элемента земного, светского, политического и которой пастыри захотят занять (выражаясь фигурально) место офицеров генерального штаба..., — а та, которая лучше всего научит своих верующих в их светской борьбе за Украинское государство исполнять вечные и общечеловеческие законы творческой общественной морали... Думаю, что судьба украинской Церкви православной связана не с направлением всей ее энергии на поверхностную, часто очень материалистическую по своим тенденциям, украинизацию, а с великим внутренним духовным религиозным подъемом... Вообще же думаю, что ни одна нация... не приобрела себе политической независимости при помощи политики церковной. Государство — это дело меча, плуга и промысла, и если нация не имеет этих материальных сил, то Церковь, даже самая “национальная” и “автокефальная”, их заменить не сможет. А для вдохновения этих материальных сил решающим для их творческих способностей духом моральным важно прежде всего моральное и религиозное достоинство данной церкви — тем большее, как показывает опыт, чем меньше ее зависимость от светской власти и материальных политических интересов”³².

Следует отметить, что меры Директории относительно украинизации Церкви были, главным образом, декларативными и, в основном, не воплощались в жизнь. Большинство времени Директория находилась не в Киеве, а путешествовала городами Украины. 2 февраля 1919 г. в Киев уже вступили большевики и

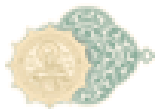
Директория смогла вернуться только с польскими войсками весной — летом 1920 г. В числе реальных мер для поворота церковной жизни в желательном для государства направлении был арест и высылка в греко-католический монастырь митрополита Антония, архиепископа Евлогия и епископа Никодима за их “антиукраинскую” деятельность. Кроме того, Директория пыталась добиться признания Украинской Церкви Вселенским Православием, прежде всего Патриархом Константинопольским. По этому поводу в июле 1919 г. начались переговоры А. Лотоцкого, в то время посла УНР в Турции, с местоблюстителем патриаршего престола митрополитом Дорофеем (Патриарх Германос за его германофильство был устранен от должности в 1918 г., а выборы нового Патриарха турецкое правительство проводить не позволяло). Местоблюститель ответил, что в связи с этим признание автокефалии Украинской Церкви откладывается³³. Кроме того, в письме к украинскому правительству местоблюститель заметил, что Константинополь мог бы согласиться признать автокефалию Украинской Церкви при условиях государственной независимости Украины, просьбы украинского правительства и Церкви к той Церкви, от которой так или иначе она зависела (то есть к Русской) и при условии наличия Вселенского Патриарха, а поскольку все эти три канонических условия отсутствуют, Синод не может согласиться на заявленное желание³⁴. Еще один факт ярко отражает весь авантюризм церковной политики Директории и подчинения ее политическим соображениям — это ряд обращений со стороны главы Директории С.Петлюры к И.Огиенко с предложением “соединения украинской Церкви с другими христианскими организациями, которые близки ей по своим догматам”; он тут имел в виду прежде всего англиканство³⁵.

Как отмечает современный исследователь истории Церкви в Украине, относительно опыта церковной политики украин-

ских правительств 1917–1920 гг., этот опыт мог бы “уберечь нас от многочисленных ошибок, поспешных решений и, самое главное, — попыток перенести практику скоростных изменений в светской политической жизни на церковный организм, который по своей сути чужд таким мгновенным изменениям и живет по собственным вполне устоявшимся законам. Этот опыт показывает, что политические пристрастия данного момента и давление политических деятелей с любой стороны всегда были и есть разрушительными силами в Церкви как духовной институции”³⁶.

Церковные расколы возникли уже в советское время. На основе закона об отделении Церкви от государства все церковное имущество переходило в руки власти. Группа верующих, которая желала пользоваться тем или иным храмовым строением, должна была обращаться в соответствующие государственные органы. Тогда этой зарегистрированной общине (и только ей) разрешалось пользоваться этим имуществом — за это община платила налоги, отвечала за состояние здания и т.д. Это распоряжение входило в общий план борьбы советской власти против Церкви, как попытка расколоть, децентрализовать Церковь, так как ничто кроме совести и церковного сознания больше не связывало общины с их правящим архиереем. В. Липковский вспоминал, что “русские” проигнорировали это требование советской власти и продолжали пользоваться храмами по праву традиции, не подавали своих уставов на утверждение³⁷. Этим воспользовалась возобновленная в апреле 1919 г. после прихода большевистской армии в Киев 5 февраля 1919 г. ВПЦР, председателем которой был избран земский деятель мирянин Михаил Мороз, а его заместителем — протоиерей В. Липковский. Она состояла только из киевлян, численностью до 30 человек, и считала себя временным высшим цер-

ковным органом Украинской Церкви до созыва Всеукраинского Церковного Собора³⁸.

Власти передали в пользование общине из членов ВПЦР (первому украинскому приходу) Николаевский собор на Печерске. По просьбе прихожан епископ Черкасский Назарий, который был в то время управляющим Киевской епархии, в связи с отсутствием митрополита, разрешил отправлять там богослужения с условием, что языком богослужения будет церковнославянский, только Евангелие будет читаться на украинском языке. Первая украинская литургия была отслужена 9 мая 1919 г., причем на украинском языке читались часы, Апостол и Евангелие, а также “Отче наш” в переводе В. Липковского³⁹.

После этого богослужения ВПЦР, опять при помощи советской власти, получила Свято-Андреевский собор. Епископ Назарий подал власти протест, но вопросы передачи храмов власти решали в пользу ВПЦР, так как раздробление Церкви и взаимная вражда общин были выгодны большевикам. Вскоре власть передала ВПЦР и Свято-Ильинскую Лыбидскую церковь, и Софийский собор. ВПЦР решила создать Всеукраинскую спилку (союз) украинских приходов (ВСУП) — “нетрадиционную” церковную организацию под руководством ВПЦР и ее президиума⁴⁰.

На второй день после передачи Софийского собора, 12 июля, в день памяти свв. первоверховных апостолов Петра и Павла, там была отслужена первая литургия без епископского благословения, так что этот день исследователи считают началом раскола⁴¹.

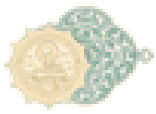
От сентября до декабря 1919 г. Киев был под деникинской оккупацией. С Деникиным вернулся в Киев и митрополит Антоний, который немедленно запретил в священнослужении всех клириков — членов ВПЦР, все храмы были возвращены своим прежним владельцам. Интересно, что, запретив

священнослужителей, повинных в непослушании епископской власти, митрополит очень терпимо отнесся к “умеренным” украинцам: он предоставил им церковь рядом с Софиевским собором и назначил священника — “умеренного” украинца с разрешением отправлять богослужение частично на украинском языке⁴².

После возвращения в Киев большевиков митрополит Антоний выехал вместе с войсками Деникина. Его опять заменил епископ Назарий. Из Каменца-Подольского вернулась в Киев ВПЦР. Советская власть вернула ей все ранее переданные церкви. Запрещенные в священнослужении священники даже добились снятия запрета у епископа Назария, который не желал углубления раскола; но после того, как к ВПЦР опять перешел Софиевский собор, 12 мая 1920 г., епископ Назарий запретил в священнослужении всех священнослужителей ВПЦР. В ответ на это запрещение 18 мая ВПЦР объявила его недействительным, и опять провозгласила автокефалию Украинской Церкви и ее полную независимость от Патриарха Московского и его иерархов. Рада обратилась к населению с посланием, в котором епископы назывались “служителями тьмы”, “фарисеями”, Патриарх Тихон — “представителем старого режима”, он сравнивался с “князем века сего”, а народ призывался “сбросить с себя цепи духовного рабства и церковного порабощения”. В целом, послание было написано в духе революционного декрета⁴³.

В. Липковский вспоминал, что “благая весть” о нашем церковном расколе (!) распространилась по всем селам. Сельсоветы сразу же стали создавать украинские приходы, которые обращались к ВПЦР для получения устава и священнослужителей”. Интересно, что инициатива создания таких приходов принадлежала именно большевистским сельсоветам, а священники нужны были потому, что сельское духовенство не желало их возглавлять⁴⁴. За каждый храм, переданный этим приходам, шла борьба,

верующие и епископат обращались с протестами в органы светской власти. Но сфера деятельности ВПЦР ограничивалась только Киевом и его окрестностями. Почти никто из священников не пошел к Раде. Как писал Липковский, “ВПЦР надеялась, что если не городские протоиереи, то смиренные прибитые крестьянские панотцы с радостью пойдут в свободную Украинскую Церковь, индивидуально, если пойдет в нее народ, но вышло так: почти никто из священников не пошел; не только против соборноправности, но и против живого языка в Церкви рьяно выступали священники — даже искренние украинцы”⁴⁵.

После провозглашения автокефалии ВПЦР пыталась создать собственный епископат, но это ей не удалось. Архиепископ Полтавский Парфений, который сочувствовал украинскому движению, вначале согласился “взять под свою опеку” Украинскую Церковь (8 августа 1920 г.), даже рукоположил для нее более 30 священников, но вскоре порвал связи с ВПЦР и не принял избрания митрополитом Киевским⁴⁶. Епископ Антонин (Грановский), сразу после избрания на должность заместителя митрополита УАПЦ архиепископа Полтавского Парфения, отказался принимать участие в церковном движении в Украине и стал в Москве обновленческим митрополитом. Обращались к Екатеринославскому епископу Агапиту (Вишневскому), который в свое время приветствовал Директорию, чтобы тот хиротонисал автокефальных епископов, но он отказался. Посылали кандидатов во епископы — протоиерея Степана Орлика и священника Павла Погорилка в Грузию, которая тогда находилась в состоянии раскола с Русской Православной Церковью, для получения хиротонии из рук грузинского католикоса, но дальше Харькова летом 1921 г. из-за разрухи они не смогли проехать⁴⁷.

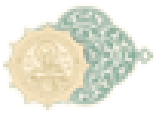
Епископы Украины в феврале 1921 г. создали “Епископский Совет Украины”, который был признан патриархом Тихоном. В августе 1921 г. в Киев прибыл экзарх Патриарха — митрополит

Михаил (Ермаков), который возглавил Совет. Постановление Епископского Совета о лишении сана всех священнослужителей-автокефалистов вызвало их бурный протест. Представители украинских приходов Киева, собравшись в мае 1921 г., выдали резолюцию. Текст этой резолюции начинался с приветствия власти УССР, благодарности за отделение Церкви от государства, за дарование свободы совести и т. д. Всякие связи со “старорежимными церковными учреждениями” обрывались и строго воспрещались. Весь Киевский епископат провозглашался отстраненным от руководства, поскольку он “является властью черносотенного российского царизма”, епископский сан разрешалось принимать лицам женатым, клирикам разрешался развод и т.п.⁴⁸.

Следующим событием, углубившим раскол, был “Всеукраинский Церковный Собор” (14–30 октября 1921 г.). На собор прибыло, по утверждению В.Липковского, около 500 делегатов со всех регионов Украины, причем от Киевщины было 309 делегатов, священников было 48, то есть шестая часть всего состава собора. Под давлением основной массы духовенства, которая не могла согласиться с отсутствием епископата, ВПЦР, уже через полтора года после провозглашения себя “независимой” от епископата, обратилась к экзарху Михаилу и епископам с просьбой стать участниками собора. Однако он ответил, что ни один епископ не может участвовать в соборе под угрозой лишения сана, и все клирики, которые будут в нем участвовать, также будут лишены сана⁴⁹.

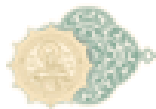
При таких обстоятельствах вопрос о епископате сразу же встал в центре всех интересов. После длительного обсуждения этого вопроса выяснилось, что мнения участников собора разделились. Часть из них, которую представлял В. Чеховской, придерживалась мнения, что “раньше епископа рукополагали пресвитеры; когда епископы отняли у пресвитеров это право,

это уже было нарушением апостольской практики. Благодать Святого Духа вообще не в епископах, а в Церкви, то есть собрании верующих". Представитель другой части участников собора, протоиерей К. Соколовский, заметил, что "Православная Церковь признает единственный способ рукоположения епископа — это положение в чине хиротонии рук двух или трех епископов на кандидата (прав. 1 свв. апостолов). Всякий иной способ рукоположения без епископов будет уклонением к протестантству и предательством православной веры". Митрополит Михаил, который все же пришел на собор и объявил это собрание незаконным и антиканоническим, отказался рукоположить епископов для автокефалистов. После принятия решения о хиротонии епископа мирянами и священниками приблизительно 200 депутатов покинули собор. Из около 500 человек осталось 294 ("за" проголосовали 282, "против" — 12)⁵⁰.

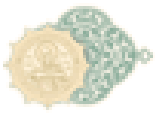
Насколько далеко зашла ненависть руководителей автокефального движения не только к епископату, но даже к самой Вселенской Православной Церкви вообще, свидетельствуют слова В.Липковского, обращенные к участникам собора: "Сбросьте с себя иго рабского подчинения епископскому самодержавию в Церкви... Вы боитесь, что этого нашего события (рукоположения мирянами и священниками епископата) не признает Вселенская Церковь? Та Вселенская Церковь, которая строится на основании православной веры, но, согласно с требованиями новой жизни, церковь живая, церковь будущего, безусловно, это событие, как результат новой жизни, признает. А Вселенская Церковь прошлого, церковь-руина, — где она? Пусть же не страшат вас анафемы, которыми осыпают вас руководители и сторонники старой церкви-гроба. Не нас, а самих себя они отлучают от жизни к смерти"⁵¹.

Точный процесс "хиротонии" в Софийском соборе В. Липковского 23 октября остался неизвестным нам. В "хиротонии"

участвовали 30 священников и все присутствовавшие в соборе миряне, которые возложили руки на плечи тех, кто стоял впереди них, первый ряд возложил руки на плечи священников, а те — на Липковского. Один из исследователей говорит о том, что, кроме вышеописанного рукоположения, на голову Липковского в момент “хиротонии” были возложены мощи священномученика Макария, митрополита Киевского, но это остается неподтвержденным⁵². На следующем заседании собора, 24 октября, было избрано еще 17 кандидатов в епископы. Первая хиротония осуществлена В. Липковским при участии священников — был рукоположен Нестор Шараевский, другие — уже имеющимися епископами.

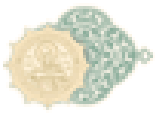
Среди иных документов на соборе были приняты “каноны” УАПЦ. В них постановлено “нерушимо держать православную христианскую веру, утвержденную на семи Вселенских Соборах, которую приняли наши предки при святом Владимире”. Признано целесообразными и “единственно возможными” правила Вселенских и Поместных Соборов (но только для своего времени), собор предостерег, что “требования жизни Церкви... могут исключать их из употребления”. Поэтому “епископско-самодержавное устройство Церкви, которое образовалось под влиянием... государственно-монархического строя... должно быть замещено устройством церковно-соборноправным”, а собор из одних епископов должен быть замещен соборами из представителей “от всего православного населения”. Была также выдвинута идея об образовании “всемирной единой соборной апостольской православной христианской церкви”, в которой “подчинения церкви отдельного народа не должно быть”. Собор признал акт 1686 г. о подчинении Украинской Церкви Московскому Патриархату недействительным и аморальным. Недействительными также были признаны постановления Московского (1917–1918 гг.) и Всеукраинского (1918 г.) Соборов как

таковые, которые “заботились об осуществлении господствования над Церковью епископата, органа, который удержал части господско-церковной власти”. Канонами провозглашалось все-народно-соборноправное устройство Церкви. Собор призывал приходы возобновлять все органы жизни Церкви, присутствие первым векам христианства, языком богослужения должен был стать украинский. Свое отношение к монастырям собор высказал, отметив, что их нужно преобразовать по образцу первобытных религиозно-трудовых общин и чтобы они входили как отдельные братства в состав тех приходов, в пределах которых они пребывали. Было предложено изменить старый монастырский устав, приспособив его ближе к жизни “в направлении просветительски-религиозного трудового усовершенствования на пользу и подъем общецерковной жизни”. Собор признал необходимым основательно пересмотреть церковные богослужения и обряды, использовать в церковных службах новые сочинения. Епископат мог быть женатым, священники могли вступать во второй брак, носить гражданскую одежду и стричь волосы⁵³.

Реформа брачного состояния священнослужителей УАПЦ, как замечает один из историков автокефального движения в Украине, была полным нарушением правил 17, 18, 26 свв. апостолов, канонов Вселенской Православной Церкви (прав. 3, 6, 12 — VI Вселенского Собора, 10 Анкирского Собора, 1 Нео-кесарийского Собора) и многовековой традиции духовного состояния Церкви в Украине. Вынудить принятие этой реформы не могли, кажется, никакие обстоятельства в борьбе за независимость Украинской Церкви⁵⁴.

Соборноправие понималось как полное преобладание в управлении Церковью светского, мирского элемента. К епископату отнеслись с недоверием, устраняя от фактического руководства церковной жизнью, ибо священнослужители вроде бы “должны приобрести себе духовную власть, моральный авторитет”, тогда

как миряне признают в Церкви это “начальство” путем простого голосования в избирательных собраниях. В истории борьбы отдельных национальных Православных Церквей за свою автокефалию не известны факты принижения самого положения священства в Церкви, — это было влиянием революционных настроений времени. Организация управления УАПЦ была такая: ВПЦР — высший руководящий орган между созывами Всеукраинских Соборов (один раз в пять лет), митрополит был только почетным председателем ВПЦР, а руководил церковью действительный председатель ВПЦР — мирянин; ВПЦР в полном составе должна была собираться дважды в год, а для текущей работы собиралась Малая Рада — те члены ВПЦР, которые в то время присутствовали в Киеве. Церковь подразумевалась как простая федерация приходов под руководством приходских советов. Приходские советы должны были объединяться в “волостные церковные союзы”, а последние — в “районные церковные союзы”. Насколько понимание природы Церкви у руководителей ВПЦР было далеким от православного, свидетельствует такое определение: “Действительным членом УАПЦ может быть каждый представитель православного населения, который достиг 18-летнего возраста, который признает Автокефальную Украинскую Церковь, ее народное соборное устройство, отделение Церкви от государства и употребление живого украинского языка в богослужениях и религиозных обрядах, так же, как и употребление украинских религиозных песен, обычаев и обрядов”. Согласно же православному учению, вступление в Церковь осуществляется через крещение, миропомазание и участие в Евхаристии; предварительным условием является исповедание православной веры. Итак, выходило, что до 18 лет человек не мог быть членом Церкви, а принадлежность к “православному населению” вовсе не равноценно принадлежности к Православной Церкви⁵⁵.

Таким образом “липковцы”, как потом назвали в народе

приверженцев УАПЦ В.Липковского, начав с церковного раскола, дошли и до прямой ереси, то есть неправославного эkkлезиологического учения, понимания сути монашества, на рушения тысячелетних традиций и канонов в рукоположении иерархии и т.п.

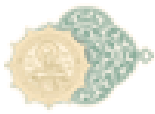
Но этот раскол был не единственным на территории Украины в те годы. Другим расколом, уже “всероссийским”, стало обновленчество. Обновленческое движение времен первой русской революции возродилось в 1917 г. в более радикальных формах. Руководители обновленцев воспользовались арестом Патриарха Тихона 6 мая 1922 г. и 12 мая образовали в Москве Высшее Церковное Управление — ВЦУ, которое на короткое время признало большинство русских архиереев⁵⁶.

Архивные документы того времени свидетельствуют, что советская власть во главе с Лениным, пытаясь уничтожить Православную Церковь путем искусственного создания в ней расколов, непосредственно участвовала в создании обновленческого раскола. Еще в 1919 г. состоялись переговоры одного из руководителей обновленчества А. Введенского с первым секретарем Петроградского комитета РКП(б) Зиновьевым, которые закончились словами Зиновьева о том, что он считает группировку Введенского подходящей для заключения конкордата между советским государством и Церковью⁵⁷. Ленин прямо говорил о необходимости “внести раскол в духовенство, проявляя в этом отношении решительную инициативу”. 14 мая 1922 г. в “Правде” было опубликовано обращение к “Верующим сынам Православной Церкви в России”, подписанное епископом Антонином, священником С. Калиновским, протоиереем А. Введенским и др. В нем осуждалась “контрреволюционная” деятельность священнослужителей и церковных иерархов. Авторы письма просили разрешения на “созыв поместного собора для суда над виновниками церковной разрухи, для решения вопроса об

управлении Церковью и о восстановлении нормальных отношений с советской властью". Этот почин поддержали Троцкий и Ленин, и в стране началась широкомасштабная кампания по разложению духовенства путем насильственного насаждения "обновленческого движения"⁵⁸. В обновленческом движении принимало участие духовенство, которое тем или иным образом было осуждено Церковью за нарушение церковных канонов или дисциплины, например, епископ Антонин (Грановский). О моральном облике "временных союзников" большевиков свидетельствует, например, такая деталь: по мнению О. Ярославского, который осуществлял кампанию советского правительства по ликвидации Церкви, А. Введенский — "человек очень неустойчивый, и не будет ничего удивительного, если он через 5–6 лет станет редактором "Безбожника"⁵⁹.

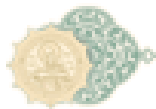
В Украину обновленческое движение проникло, вероятно всего, летом 1922 г. Его приходы сразу же очутились под защитой партийно-государственной верхушки, органов ГПУ. Позицию ЦК КП(б)У относительно религии и Церкви четко обрисовал в письме губкомам партии от 8 июля 1922 г. секретарь ЦК Д. Мануильский. Он подчеркивал необходимость нового шага (после изъятия церковных ценностей) в выполнении антирелигиозной программы: начать процесс раскола Церкви. Всячески поддерживая обновленцев, власти направляли усилия против иерархов и духовенства РПЦ. Первой жертвой этой кампании стал экзарх Украины митрополит Михаил. Интересную характеристику иерарху дали сотрудники ГПУ: "Живет он почти не подавая признаков архиерейского служения... Отношение его к делам управления остается всегда неизменным. Оно vyplывает из интимных свойств его натуры, которая представляет собой ярко выраженный образец созерцательного, а не активного характера. Человек глубоко религиозного настроя, замкнутый в себе самом, молитвенник и монах по

призванию, он, естественно, уделяет лишь незначительное внимание... практическим деловым вопросам. Лаврская братия любит его за простоту, доброту... Церковные крути, отдавая должное его личным качествам, укоряют за безынициативность, неавторитетность и безголосость в делах управления. Какое-то время, очевидно, он избегал выступать против обновленцев, которые представлены были в Киеве, главным образом течением "Живая церковь", и это устраивало власть. Но долго это продолжаться не могло — когда экзарх не поддержал обновленцев, его арестовали и устранили от управления (23 января 1923 г.), сослали в Холмогоры Архангельской губернии⁶. Экзарх Михаил возвратился из ссылки уже не в Киев, а Москву, где жил, не принимая участия в управлении Церковью. Фактически семь лет, до его смерти в 1929 г., Православная Церковь в Украине не имела предстоятеля!

Такая судьба постигла многих клириков. Насильственная передача обновленцам православных храмов "тихоновцев" часто вызывала резкое сопротивление клира и мирян. Характерным для того времени является донесение Бердянского окружного комитета партии в Екатеринославский губком в июле-августе 1923 г.: "В силу целого ряда экономических и политических причин духовенство Бердянского округа было исключительно реакционным, и поэтому разложение встретило достаточно сильную и сплоченную группу... Нами взят курс на организацию "Живой церкви", проведен ряд съездов благочинных округов и окружной съезд. Нашей работе противостояла группа во главе со стойким, образованным и хитрым священником Богословским, "тихоновцем", но под влиянием нашей работы в городе его авторитет подупал среди самого духовенства", то есть для антирелигиозной комиссии при ЦК КП(б)У определяющими были провокационные методы работы⁶¹.

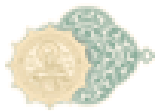
Следующим шагом борьбы власти с "тихоновцами" был со-

ывыв обновленческого собора. Начальник секретного отдела Российского ГНУ Е.Тучков докладывал 30 октября 1922 г., что: “Поставлено задание пятимесячной так называемой борьбы с “тихоновщиной”; в первую очередь с епископатом. Для осуществления этого задания была образована группа, так называемая “живая церковь” .., преимущественно из белых попов, что дало нам возможность посорить попов с епископатом. Наряду с многочисленными статьями и призывами, которые клеймили “тихоновцев” и их политику, попы, взяв в свои руки высшую церковную власть, приступили к изгнанию со своих должностей тихоновских и вообще реакционных епископов. Изгнание “тихоновцев” из церковных советов идет путем науськивания одних членов на других, образованием мирянских групп ревнителей обновленчества. После выполнения первого задания необходимо сломить и дискредитировать “тихоновщину”, которая до сих пор имеет больше всего приверженцев — разрешить собор, на котором наступит паралич единства Церкви, поскольку группы будут ссориться одна с другой, и настанет раскол”⁶².

Российский Собор состоялся в апреле 1923 г. Он ввел григорианский календарь, богослужение на русском языке, женатый епископат и право духовенства на развод и второй брак, то есть многие нововведения, принятые за полтора года до этого “липковцами”. Потом он заочно осудил Патриарха, лишил его всех духовных званий и даже монашества. Характерно, что обновленчество признали Константинополь и другие восточные патриархи! Но Патриарх Тихон заявил, что не признает ни постановлений собора, ни самого собора, поскольку он не представляет собой церковной полноты⁶³.

Советская власть принимала активное участие в подготовке собора обновленцев в Украине в октябре-декабре 1923 г., смета которого была утверждена на политбюро ЦК КП(б)У, а деньги выделило правительство. Этот собор провозгласил образова-

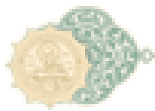

ние Украинской Синодальной Церкви (или Украинской Православной Автокефальной Церкви), которую возглавил митрополит Пимен (Пегов), бывший епископ Подольский. К обновленцам он перешел в марте 1923 г. и имел связи с ГПУ⁶⁴. Российский обновленческий синод признал “автокефалию” этой церкви в 1925 г.

Но, несмотря на активную поддержку власти, всяческие послабления обновленцам, снижение налогов, помощь в поисках средств, помещений, дело “обновленческого движения” продвигалось медленно — в мае 1923 г. в Полтавском округе было всего 48 верующих, в Лубенском — 57, в Роменском — 19. В начале 1925 г. у обновленцев было менее 2900 приходов патриарших — около 6 тыс.

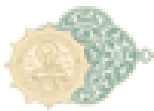
В начале 1925 г. органы ГПУ решили усилить работу по развалу патриаршей Церкви. На этот раз было решено создать еще одну церковную группировку с выраженной идеей национально независимой Церкви. Согласно замыслу, ее должны были возглавить “строго канонические” с точки зрения хиротонии епископы-украинцы. ГПУ учло то, что православные негативно относились к неканонической хиротонии “липковцев”.

После подготовительной работы, проведенной ГПУ, приверженцами новой церковной группировки стали 5 епископов: архиепископ Иоанникий, епископы Павел (Погорило), Сергей (Лабунцев), Сергей (Иваницкий), Феофил (Булдовский)*. Все они занялись подготовкой собора, который состоялся в июне 1925 г. в Лубнах. Власть вскоре зарегистрировала устав этого объединения — Братского Объединения Украинских Автокефальных Церквей (БОУАЦ), в народе оно называлось “булдовщина”. Но эта акция вызвала решительный отпор со стороны епископата РПЦ на местах. Свыше 20 архиереев отказались принимать участие в этой сомнительной акции. Пат-

риарх Тихон предал инициаторов лубенского раскола церковному суду, они были запрещены в священнослужении “до принесения покаяния”. Отношение к другим православным объединениям лубенский собор определил так: борьба с “тихоновцами” и “липковцами”, к обновленцам относиться лояльно, осудить епископов, которые эмигрировали за границу⁶⁵. Сфера влияния этого объединения распространялась на те регионы Украины, где правящими архиереями были вышеупомянутые участники собора — Харьковщину, Донетчину, Екатеринославщину, Полтавщину, Черниговщину, Подолье. В лучшие времена у нее было около 2 тыс. приходов (по другим данным свыше 330). В начале 1926 г. в информационной записке ГПУ в ЦК КП(б)У отмечалось, что создание новой группировки содействовало укреплению обновленчества, поскольку “тихоновцы” и “липковцы” вынуждены были сконцентрировать свои усилия на борьбе с новым “конкурентом”⁶⁶. Позже, в 30-е годы, БОУАЦ начала также подвергаться притеснениям; ее руководящий центр вначале был перенесен в Харьков, а затем в Луганск. Когда в 1937 г. закрыли последнюю церковь БОУАЦ, ее глава вернулся в Харьков и полностью отошел от церковных дел⁶⁷.

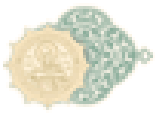
Позиции обновленцев в это время были сильны в Харьковском, Бердичевском, Первомайском, Купянском, Черкасском, Сумском, Павлоградском, Изюмском и Николаевском округах. Рядовые верующие, приверженцы обновленческого движения, ожидали, что на Всесоюзном соборе обновленцев в октябре 1925 г. будет рассматриваться вопрос о примирении с РПЦ. Но этого не случилось по вине “митрополита” А.Введенского. РПЦ объясняла верующим, что последние пытаются подорвать авторитет Церкви с целью ее скорейшей ликвидации и являются “марионетками в руках большевиков”⁶⁸. Кстати, эта оценка совпадала со взглядами на обновленческое движение М. Бердяева, который, пребывая в эмиграции и не имея до-

статочного материала, также считал, что обновленцы — “ли приспособление части православного духовенства к существующей власти, не реформация, а конформизм... Живоцерковники уже потому не заслуживают никакого уважения, что они донесли на Патриарха и иерархов патриаршей Церкви, занимали церковным шпионством и приспособлялись к “власть имущим”, поддерживали связи с ГПУ, которое давало директивы “Живой церкви”. Ни одно обновленческое реформационное движение не начиналось тем, что его провозвестники не сами были жертвами, а делали жертвами других... Живоцерковники не поднялись даже до той идеи, что в коммунизме есть христианская правда. Их интересовал не коммунизм, а власть”⁶⁹.

В 1925–26 гг. обновленческое движение достигло своего апогея. Но ощутимых результатов в борьбе с патриаршей Церковью обновленцы, несмотря на активную помощь ГПУ, не достигли. Как писал В. Липковский, “обновленческий приход на бумаге — это в жизни тот же тихоновский, поэтому сознательных обновленческих приходов, я не знаю, наберется ли хотя бы с десяток по большим городам”⁷⁰. В 1930 г. харьковская автокефалия (УАПЦ) насчитывала свыше 1200 приходов. В начале 30-х годов возник острый конфликт между УАПЦ и обновленческим синодом в Москве. 20 декабря 1934 г. синод принял решение ликвидировать УАПЦ и перевести ее приходы в свое непосредственное подчинение. Правда, через год (в 1935 г. ликвидировали сам синод, но отдельные приходы обновленцев существовали в России и в Украине вплоть до смерти в 1946 г. одного из fundаторов обновленчества А.Введенского, и постепенно слились с РПЦ⁷¹.

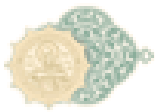
На волне обновленчества, недовольства бывшей иерархией, стремления к самоуправлению, “автокефалии” в послереволюционные годы возникали одна за другой не только в Украине, и в России. “Автокефалиями” объявлялись не только отдель-

ные епархии (Курская, Пензенская, Царицынская), а иногда и отдельные приходы (Паневежский в Карелии). На Черниговщине действовала “Свободная прогрессивная автокефальная украинская церковь”. С середины 20-х годов в Украине появляются общины Истинно-Православной Церкви (ИПЦ), созданной Петербургским митрополитом Иосифом (Петровых) и Новгородским епископом Димитрием (Любимовым) формально из-за несогласия с патриаршим местоблюстителем Сергием. На самом деле это была попытка создания церкви монархической ориентации. Самостоятельной объявила себя и группа “подгорновцев” (“суздальцев”), созданная в 1920 г. на Сумщине и Харьковщине православным проповедником Степаном Подгорным. Фактически автокефальной стала и провозглашения в январе 1935 г. УПЦ в Закарпатье, вышедшая из-под юрисдикции Сербской Православной Церкви⁷².

К УАПЦ большевики вначале относились благожелательно, но уже с 1923 г., со времени создания обновленчества и его активной поддержки, начинаются конфликты. УАПЦ обвиняли в национализме, контрреволюции, петлюровщине. Среди ее священников и в самом деле были бывшие деятели УНР, офицеры царской и петлюровской армий. Всеукраинский благовестник УАПЦ Владимир Чеховской был главой Рады Министров и министром иностранных дел УНР. Священник Николай Чеховской до революции был полковником царской армии, Михаил Наumenko, тоже священник, служил старшиной в армии УНР, архиепископ Юрий Жевченко — военным священником царской армии, архиепископ Константин Кротевич до революции был прокурором Полтавского окружного суда⁷³.

Руководство УАПЦ стремилось наладить нормальные отношения с властью. На Большом Никольском собрании ВПЦР в мае 1924 г. было утверждено “Публичное Заявление ко всем церквям ВПЦ Рады УАПЦ”, в котором, в частности, говори-

лось: “Социальная революция, как переход власти в государстве от класса угнетателей к классу производителей-рабочих является для членов УАПЦ делом правды жизни, морально справедливостью... Всякий член Украинской Церкви, который будет подогревать в церкви националистические группировки для установления власти угнетательских дармоедских классов из церкви исключается... Мы знаем и верим, что те, кто отвергают богов капитализма, богов царствования и непослушания, не зная неведомого им единого Бога, естеством, природой частью творят добро, и они ближе стоят к общине Божьей, чем служители бога капитализма, бога господ и царей”. В августе 1924 г. состоялся съезд приходов Волынской губернии. Делегаты отмежевались от петлюровцев и объявили, что автокефальная Церковь является церковно-революционным движением.

В ноябре 1924 г. президиум ВПЦР обратился к правительству с декларацией, в которой заверял в своей лояльности к власти и просил унормировать правовой статус УАПЦ. Последнее вызвало негативную реакцию со стороны части верующих как в Украине, так и за рубежом. Какой-то Севрюк из Чехо-Словакии так расценил обращение митрополита Липковского к правительству: “Василю, Василю! зачем ты связался со злодеями, с разбойниками? Ездил на поклон к разбойнику, а что из этого вышло? Из Украинской национальной церкви сделали жидовско-большевистскую помойку, а сам ты из украинского митрополита стал лишь глупым попом, московским посипакой и шарколизом. Благодарю теперь Чеховского, который из тебя старого сделал всемирного дурака, который довел тебя до этого стыда. Ну и политики из вас, позор вам”. В том же ноябре 1924 г. делегация УАПЦ встречалась с наркомом внутренних дел В.Б. Балицким и пообещала ему проводить чистку духовенства, церковного актива, чтобы избавиться “вражеских элементов”⁷⁴.

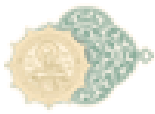
Согласно политическим установкам ЦК КП(б)У по отно-

шению к автокефальной Церкви органы ГПУ начали акцию, подобную той, которую устроили по отношению к РПЦ. Режиму была отработана. Весь последующий ход событий в истории с расколом УАПЦ фактически повторил основные приемы, примененные ГПУ в борьбе с РПЦ, которая велась руками обновленцев.

Среди руководства УАПЦ не было единства. Противоречия существовали между церковным братством “Церковь живая”, созданным в 1920 г., и приверженцами митрополита Липковского. В октябре 1921 г. братство вошло в состав УАПЦ. Фундаторов братства беспокоила борьба между митрополитом Липковским и главой ВПЦР М.Морозом за руководство церковью, моральное состояние части архиереев, священников. Митрополит, наоборот, считал, что причиной раздоров стало то, что членов братства, которое вскоре стало называться Деятельно-Христовой Церковью (ДХЦ), не выбрали в ВПЦР. Эти конфликты использовало ГПУ. ДХЦ была если не полностью создана по инициативе ГПУ, то, по крайней мере, активно им использовалась для ослабления УАПЦ. Это же подтверждает и информационная записка ГПУ в ЦК КП(б)У — “органами ГПУ были приняты меры для углубления расхождений между лидерами автокефальной ВПЦР... с одной стороны, а с другой — с организаторами братства... В результате углубления раскола в Киеве был организован руководящий центр ДХЦ губернского масштаба. С того времени “липковцы” активно вели борьбу с ДХЦ как с группировкой, которая пытается захватить руководство автокефальной Церковью в свои руки”.

В начале 1925 г. ВПЦР передала дело руководителей ДХЦ — епископов В.Бржосневского, П.Тарнавского и протоиерея К. Янушевского — в Высший церковный суд. 11 февраля 1925 г. они были исключены из состава УАПЦ. С этого времени ДХЦ уже открыто действовала как отдельная цер-

ковь. Она активно начала переводить на свой устав отдельные приходы УАПЦ. В то же время ДХЦ делала попытки объединиться с обновленческо-синодальной церковью.

В октябре 1925 г. в соборе Михайловского монастыря в Киеве начал свою работу съезд приверженцев ДХЦ. Была принята политическая платформа ДХЦ — “Церковное кредо членов Украинского православного братства “Деятельно-Христов Церковь”. В нем человечество призывалось к полной христианизации, к созданию из всех тружеников, “обессиленных изнеможенных в борьбе за право на жизнь и за счастье, единой большой семьи”. Съезд осудил руководство УАПЦ и митрополита Липковского и потребовал передать церковную власть избранной на съезде Раде Всеукраинского союза братских объединений, которую возглавил К. Янушевский. После съезда при всесторонней поддержке партийными и государственными органами, ДХЦ расстраивается как самостоятельная церковная группировка. В 1926 г. ДХЦ принадлежало свыше 300 приходов на Киевщине, Полтавщине, Подолье, Волини, Екатеринославщине и Одесщине. Но, несмотря на содействие ГПУ, влияния на верующих раскольники не имели. Чекисты были вынуждены довести дело со своей “крестницей” до логического завершения: ГПУ берет актив ДХЦ на свое содержание. Потребность в ДХЦ значительно ослабела, а затем и вовсе отпала. Она прекратила свое независимое существование и ее приходы вошли в состав УАПЦ. Объединение руководства УАПЦ с епископатом ДХЦ состоялось 8 ноября 1927 г.⁷⁵

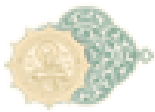
ГПУ вынуждено было, в конце концов, возвращаться к прямолинейным, погромным методам борьбы с УАПЦ — арестам, травле руководства церкви. 25–30 октября прошло Большое Покровское собрание ВПЦР. Была принята резолюция, которой долго ждала власть — осуждены “нелояльные”, “антисоветского содержания” поступки президиума ВПЦР. На

некоторое время напряженность в отношениях УАПЦ с властью несколько ослабела, был зарегистрирован устав Церкви. Однако ГПУ и далее вело дело к ликвидации УАПЦ: продолжали стеснять В. Липковского — не разрешали ему посещать церковные округа, приходы, усложнились отношения с ВПЦР, которую тогда возглавлял епископ П. Ромоданов. В. Липковский 15 августа 1927 г. обратился к правительству с заявлением о беспочвенности обвинения его в антисоветской деятельности и национализме. Но на втором Всеукраинском Церковном Соборе УАПЦ в начале октября 1927 г. властью было выдвинуто требование об устранении митрополита под угрозой немедленного закрытия Собора в случае отказа. Собор принял решение снять с Липковского “бремя митрополичьего служения”. Причиной этому было и то, что собор имел расхождения с Липковским: большинство епископов было против всенародной соборноправности и отстаивало право на главенство духовенства в вопросах управления церковью: принцип соборноправности не оправдал себя во времена лихолетья для Церкви и религии.

Липковский сошел с арены общественной жизни: “Как вышел я из ВПЦР в день моего освобождения, так уже больше и не ходил туда и абсолютно никаких связей с руководящими органами не имел. Хотя я еще два года жил возле св. Софии, в 10 саженях от ВПЦР, кроме Чеховского почти никто из священников на заходил ко мне: все, как чумы, сторонились. Был несколько раз лишь митрополит Боретский, но уклонялся от разговоров на церковные темы, а я не спрашивал”. В. Липковский был расстрелян в 1937 г.; по другим данным, он был арестован в 1938 г. и выслан, где окончил свой жизненный путь — неизвестно⁷⁶.

В 1929–30 гг. органы ГПУ сфабриковали дело мифической “Спилки освобождения Украины”, в которую якобы входили и деятели УАПЦ — это было использовано и против последней. В это время количество автокефальных приходов не превыша-

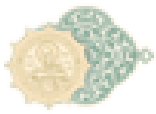

ло 1 тысячи. 29—30 января 1930 г. поспешно собранные епископы и почти 30 священников объявили себя чрезвычайным собором, осудили “контрреволюционную” деятельность церкви за прошедшее 10-летие и приняли решение о роспуске церкви. Через месяц был арестован и осужден к 8 годам концлагеря митрополит Николай Борецкий. После этого начался быстрый упадок приходов.

Сразу же после окончания собора по инициативе архиепископа Киевского Малюшкевича в помещении ВПЦР состоялось совещание клира и мирян, на котором шла речь об организации новой украинской церкви, более лояльной и под другим названием. Был создан Всеукраинский организационный церковный комитет во главе с архиепископом Иваном Павловским. Власти 9 июня 1930 г. разрешили комитету обратиться к еще уцелевшим приходам бывшей УАПЦ и призвать их объединиться в единую церковную организацию. В ноябре прошло епархиальное собрание, на котором были избраны епископы и священники. Последние подписали декларацию о безоговорочном подчинении режиму и отказе от политической деятельности.

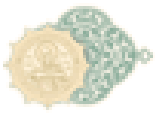
9—12 декабря 1930 г. в Киеве состоялся чрезвычайный собор — делегаты осудили деятельность руководства УАПЦ, пересмотрели некоторые положения собора 1921 г. Из названия церкви изъяли слово “автокефальная”, главой УПЦ избрали архиепископа Ивана (Павловского) с титулом митрополита Харьковского и всей Украины, перенесли в Харьков церковное управление (в то время Харьков был столицей Украины). Когда в 1934 г. столицей стал Киев, сюда вернулся и Павловский. Но в 1934—35 гг. были закрыты практически все кафедральные храмы. Вскоре митрополит переехал в Черкассы и прекратил религиозную деятельность. В 1936 г. еще не ликвидированные автокефальные общины вернулись к РПЦ⁷⁷.

По мнению В. Липковского, “Соввласть производит настоя-

щую и неуклонную ликвидацию вообще веры и Христовой Церкви... и в первую свою пятилетку принялась за ликвидацию УАПЦ, как самой младшей, значит — наименее устойчивой”⁷⁸. Совокупность многих причин обусловила постепенный упадок УАПЦ, а в 30-х годах — и ее ликвидацию. Следует отметить, что все вероисповедания в начале 30-х годов оказались в одинаковом положении, а борьба власти против РПЦ началась намного раньше, чем против остальных, в основном, созданных властью же, группировок. Неудачи УАПЦ нельзя связывать лишь с репрессиями. Причины неудач были в ошибочном для времени гонений принципе церковной организации (соборно-правии). Относительно практических недостатков нужно сказать, что епархии существовали, в основном, в постановлениях ВПЦР, а на самом деле их организация не была устойчивой; почти все епископы УАПЦ долго на одном месте не задерживались; дисциплины в церкви не было; денежные поступления по адресу ее руководящего органа — ВПЦР — не поступали (решение о том, чтобы каждый приход переводил ВПЦР по 1 руб. в год, не выполнялось), и ВПЦР не имела средств к существованию; уровень подготовки священнослужителей был очень низким, значение священника сводилось на нет приходскими советами, которые считали, что священник является наемником для исполнения обрядов; очень часто священникам не платили, и они вынуждены были переходить на производство или в государственные учреждения⁷⁹.

Самым негативным образом отобразились на УАПЦ рукоположения случайных лиц во епископов и священников. В. Липковский оставил свои воспоминания, где он характеризует главных деятелей автокефального движения в Украине: “Рыба, говорят, портится с головы, так случилось и с УАПЦ. Первая ее тяжелая рана обнаружилась в высшем руководящем органе... И прежде всего, в ее главе... Михаил Мороз был

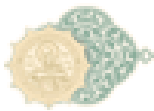
достаточно тяжелым церковным работником: что сам устраивал сам же разрушал... Как не возносим мы свою всенародную благодать в создании епископата в УАПЦ, но и в составе епископата в целом были грустные недостатки и тяжелые раны и теле УАПЦ... Собором был рукоположен Юрий Махновский, который жил невенчаный с женой какого-то почтовика, с не поехал в епархию в Чернигов, с ней путешествовал по епархии. Об этом все знали. Это производило грустное впечатление. По требованию Мороза был рукоположен епископ Михаил Малайевский. Он запятнал сан епископа своим "шкурничеством". Епископ Григорий Стороженко, хороший оратор, делом УАПЦ увлекся, но был совсем неспособен к епископству, не понимал его, а к тому же отбил жену у епископа Филиппа Бучила и женился на ней, а вскоре и вовсе отошел от УАПЦ. Сам Бучила также отошел от УАПЦ. Говорят, проклинает тот час, когда к ней присоединился. Архиепископ Пивоваров — человек без чести и совести. Даже почтенный Кость Кротевич (архиепископ), человек старый, развелся с женой и женился на молодой... перешел в Житомир, там эту жену отпустил, перешел в Винницу, но и там не задержался и, говорят, отрекся сана. Полную неспособность к епископству в УАПЦ проявили и Григорий Мозолевский, Иаков Гуляевский и ничтожный Владимир Самборский... Еще далее по дорожке ГПУ пошли епископы Петр Ромоданов и Марк Грушевский, который отрекся сана, и Церкви, и вообще веры. На службу ГПУ пошли и епископы Бржосневский, Тарнавский, Ширяй. А весь епископат УАПЦ, за исключением Ярещенко, Орлика и Теодоровича (в Америке), покорно склонился перед требованиями ГПУ, — не без оснований заслужил себе в народе названия предателей, христопродавцев, которые продали своего митрополита, и свою братию, и саму Матерь-Церковь, забросали их самыми позорными поклепами, каких только требовало от них ГПУ, даже не за

милость господскую, а только за временную собачью жизнь... Выходит, что новый епископат УАПЦ был самым тяжким недугом на теле своей церкви. Это очень грустно, но это на самом деле так, это уже голос народа..."⁸⁰.

К УАПЦ склонялась в основном интеллигенция, реже — рабочие. Но количество верующих возрастало очень медленно. Количество приходов УАПЦ в разные годы было таким: 1921 — 300, 1922 — 600, 1923 — 800, 1924 — 1200, 1925 — 1590, 1926 — 1200. По свидетельству В. Липковского, 89% оставались в 1928 г. под московским епископатом в Украине⁸¹. Он считал, что самой главной причиной инерции населения относительно УАПЦ был язык богослужений. "Почти в каждом селе (где был автокефальный приход), — писал он, — образовались два враждебных прихода — украинский и славянский". Псаломщики и певцы на клиросах не могли настроиться на украинский язык, не было и по чем служить, они были против "украинизации", желая остаться при знакомом и привычном. Священники на местах нередко сами переводили богослужебные тексты, но настолько неквалифицированно, что ВПЦР запретила пользоваться украинскими богослужебными текстами, если они ею не рассмотрены и не утверждены.

Не способствовало авторитету УАПЦ и ее высокомерие по отношению к другим Церквям. На их адрес выдвигались обвинения в ереси, атеизме. ВПЦР в духе революционного радикализма обратилась в 1924 г. ко всем Автокефальным Православным Церквям мира с "Меморандумом", где говорилось, что пути христианской Церкви с самого начала были ошибочными. Поэтому все Церкви должны начать с "собственного освобождения", освобождения от государственного влияния, от всякой политики, все (даже католические!) стать автокефальными, а затем приступить к созданию "настоящей" Вселенской Церкви. Собирались даже провести в Киеве совещание по во-

просам подготовки Всемирного Собора Православных Церквей. Понятно, что ни одна из Автокефальных Православных Церквей даже не ответила на этот “Меморандум”.

Все это привело к тому, что УАПЦ не смогла сформировать стойкие структуры и, учитывая неблагоприятную для всех религиозных организаций атмосферу, в середине 30-х годов прекратила свою деятельность⁸².

В конце 20-х годов обновленцев, как и нераскольническое духовенство, начали все чаще зачислять в лагерь контрреволюционеров. Много из них также не избежали репрессий. И так работа государственных и карательных органов по расколу и ликвидации Православия в большевистском государстве путем судебных процессов с надуманными обвинениями через всестороннюю поддержку разных течений с сомнительными методами деятельности не принесла желаемых для властей результатов. Большинство верующих сумело увидеть настоящее лицо обновленческих групп и осталось верным традиционной Церкви⁸³.

Советская власть на протяжении 20—30-х годов вела борьбу с Церковью, выдавала соответствующие постановления. Так, 3 декабря 1927 г. в докладе на XV съезде ВКП(б) Сталин указал как на недостаток в работе партии ослабление антирелигиозной борьбы. 30 июня 1928 г. была принята резолюция ЦК КП(б)У “О религиозном движении и антирелигиозной пропаганде”, 24 января 1929 г. ЦК ВКП(б) утвердил текст письма “О мерах по усилению антирелигиозной работы”, где духовенство, активные верующие и органы церковного управления причислялись к противникам социализма. Все время происходило закрытие храмов, изъятие колоколов. Но “шторм” 1929—1931 гг. еще не привел к полной гибели Православной Церкви, хотя до конца 1932 г. и было закрыто свыше 1 тыс. храмов. В Украине продолжало функционировать 8 тыс. православных храмов.

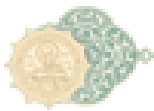
В сентябре 1932 г. журнал “Молодой авангард” сообщил,

что генеральный секретарь ЦК ВКП(б) специальным решением провозгласил “безбожную пятилетку”. До 1937 г. в СССР должны были быть ликвидированы все религиозные конфессии и внешние проявления религиозности. Русская Православная Церковь, как и другие конфессии, была лишена в конце 30-х годов материальной базы, происходило физическое уничтожение духовенства. С 1935 г. перестал функционировать Священный Синод РПЦ, большинство членов которого находилось в тюрьмах и концлагерях. На территории Советской Украины не было ни одного православного епископа. На весь Союз к началу 1939 г. оставалось около 100 приходов и на воле были лишь 4 иерарха — Сергей (Страгородский), Алексей (Симанский), Николай (Ярушевич) и Сергей (Воскресенский). 5 октября 1937 г. республиканский НКВД дал указание “в кратчайший срок провести широкую операцию с целью решительного разгрома церковно-сектантских контрреволюционных кадров”⁸⁴.

После рассмотрения событий в церковной жизни на территории Советской Украины необходимо также рассказать о положении Православной Церкви Украины, которая в 1921—1939 гг. находилась в составе Польши, тем более, что ее епископат принимал непосредственное участие в церковной жизни всей Украины в годы Великой Отечественной войны.

Согласно Рижскому договору 18 марта 1921 г. в состав вновь созданной Польской республики включалось около 5 млн. православного непольского населения, украинского и белорусского. Православная Церковь в Польше была частью Церкви Русской. Еще в 1918—1920 гг. во времена вновь созданного польского правительства началось массовое закрытие православных храмов, превращение их в католические костелы. Польское правительство называло это “ревиндикацией”, то есть возвращением их прежнему владельцу. Но это далеко не соответствовало действительности, поскольку из отобранных

православных храмов очень небольшое их количество было ранее католическими костелами, большинство же было когда-то православными и униатскими храмами. Некоторые храмы разрушались; у Церкви отнимались ее земли и имущество⁸⁵.

В августе 1921 г. в Польшу прибыл из Италии архиепископ Георгий (Ярошевский), приглашенный Польским правительством. (Ранее он был ректором Петербургской Духовной Академии, с 1919 г. — архиепископом Харьковским. В 1920 г. эмигрировал в Италию). С согласия польского правительства патриарх Тихон назначил митрополита Георгия своим экзархом Польском государстве. Церковь получила статус автономии от Московского Патриарха. Польское правительство желало автокефалии Православной Церкви в Польше. Три епископа (Георгий (Ярошевский), Дионисий (Валединский) и Пантелеимон (Рожновский), поддерживая эту мысль, говорили о необходимости получить на это согласие Патриарха Московского⁸⁶.

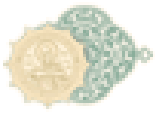
Польское правительство настаивало на заключении “Конкордата” между Православной Церковью и государством. Но из-за отказа епископата подписать этот конкордат, невыгодный для Церкви, дело окончилось лишь подписанием “Временных правил об отношении Церкви к государству” (30 января 1922 г.). Правда, и эти правила подписали лишь архиепископ Георгий и епископ Дионисий. Другие епископы, которые отказались это сделать — Пантелеимон (Рожновский) и Сергей (Королев) — были насильно высланы, первый в монастырь, второй — вообще из Польши. Другие епископы — Владимир (Тихоницкий) и Елевферий (Богоявленский), несогласные с разрывом с Московским Патриархатом, также были лишены кафедр, арестованы и высланы в римо-католический монастырь⁸⁷. Вместо них были рукоположены другие епископы — Александр (Иноземцев) и Алексей (Громадский). Против объявления автокефалии неканоническим путем выступало большинство верующих и

нившего духовенства. Для самого митрополита Георгия его деяния окончились трагически — он был убит архимандритом Смарагдом (Латышенковым) 8 февраля 1923 г.⁸⁸ После его смерти митрополитом Варшавским стал архиепископ Дионисий (Валединский).

При поддержке польских органов власти митрополит Георгий провел 14 июня 1922 г. собор епископов в составе архиепископа Дионисия и епископа Александра, на котором было принято решение не признавать впредь юрисдикции Московского Патриархата. В ответ на это патриарх Тихон официально опроверг “автокефалию” Православной Церкви в Польше, даже угрожал отобрать у нее и церковную автономию. Тем не менее, польское правительство использовало дипломатические межцерковные связи, чтобы повлиять на Константинопольского Патриарха и получить от него разрешение на самостоятельность⁸⁹. “Автокефалия” стоила польскому правительству 3 млн. злотых, а для Православной Церкви обернулась полным подчинением правительству, постоянным вмешательством последнего во внутрицерковные дела и гонениями.

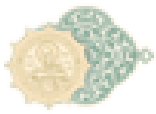
13 ноября 1924 г. Константинопольский Патриарх Григорий VII предоставил Православной Церкви в Польше статус автокефальной; провозгласили автокефалию в Варшаве 17 сентября 1925 г. О непризнании этой автокефалии заявила ВПЦР в “Меморандуме”, направленном Константинопольскому Патриарху Василию III в 1926 г. РПЦ не признала эту автокефалию, поскольку этот акт был осуществлен неканонически — автокефалию могла предоставить только та Церковь, к которой принадлежала отделяемая — то есть РПЦ, а не Константинопольский Патриархат. С этой точки зрения неправомерным было и решение собора архиепископов относительно предоставления Православной Церкви в Польше статуса автокефальной: такие важные вопросы относятся к компетенции Церковного

Собора. Главная же причина принятия этого акта имела не религиозный, а политический характер. Чтобы придать этому акту хотя бы видимость законности, Константинопольский Патриархат признал присоединение Киевской Митрополии и православных митрополий Литвы и Польши в 1686 г. таким, которое осуществилось не по каноническим правилам. Здесь будет кстати вспомнить, что, согласно каноническим правилам, всякие споры между отдельными церковными округами по поводу границ погашаются 30-летней давностью; в данном случае, то есть с момента присоединения Киевской Митрополии к Русской Церкви, прошло почти два с половиной столетия. В июне 1948 г. митрополит Дионисий в письме к патриарху Московскому Алексию I признал “временность и каноническую неполноту” автокефалии ППЦ 1924 г., и патриарх Алексий I предоставил ей самостоятельность, согласно всем церковным канонам⁹⁰.

В 30-е годы Православная Церковь в Польше имела пять епархий: Варшавскую, Волынскую, Полесскую, Виленскую, Гродненскую. В 1938 г. насчитывалось 1624 прихода, 9 мужских и 5 женских монастырей. Самой большой была Волынская епархия (689 приходов)⁹¹.

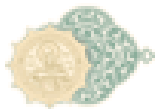
В соответствии с “Временными правилами”, главой Церкви считался митрополит, а общее руководство осуществлял Собор епископов. На самом же деле, Собор епископов и Синод были бесправными, поскольку их деятельность контролировало Министерство вероисповеданий и просвещения. Автокефальная Церковь, по сути, превратилась в средство антиправославной политики тогдашней польской католической власти. Римско-Католическая Церковь начала процесс “неоунии” — изъятия и уничтожения большого количества православных храмов и их имущества, причинения морального вреда Церкви, финансовых притеснений, насильственного переkreщивания православных в католическую веру, разрушения православных кладбищ, огра-

ничения и запрещения проведения различных церковных торжеств, и т.п. Религиозное обучение, церковные проповеди и др. проводились на польском языке, церковным имуществом распоряжалось правительство, от которого зависело назначение и увольнение священников. Духовенство получало заработную плату от местных старост⁹².

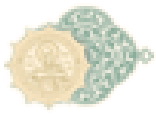
Некоторые деятели автокефального движения, которые эмигрировали в Польшу (И. Огиенко, А. Лотоцкий, П. Пашевский, будущий патриарх С. Скрипник и др.), начали процесс украинизации Церкви, особенно на Волини. Украинизаторы-радикалы были представителями украинской интеллигенции, политическими деятелями. Священников в этом лагере было немного. Польские чиновники достаточно заинтересованно относились к украинизации православия. Украинизация привлекала их как важное средство дерусификации. Определенная часть польских чиновников, общественных деятелей, журналистов не без удовлетворения наблюдала, что украинизация усложняет православную жизнь, вносит в нее напряженность и приводит в ряде случаев к конфликтам между православными прихожанами. Во второй половине 30-х годов руководящие круги Польши начали неприкрытую полонизацию Церкви, назначение православными епископами поляков и насильственное окатоличивание православных мирян⁹³.

В 1937–39 гг. началось массовое уничтожение (разрушение) православных храмов на Волини, Холмщине, насильственное окатоличивание. (В те годы гонения на Православную Церковь и разрушения храмов происходили и на территории Советского Союза). В защиту православных выступил даже греко-католический митрополит Андрей Шептицкий. Один из самых авторитетных православных священников Польши, протопресвитер Терентий Теодорович, написал обращение к митрополиту Дионисию, где отмечал, что эти гонения в боль-

шой степени обусловлены угоднической, по отношению к политической власти, политикой руководства Церкви. “Мы сами в достаточной мере своими “уступками” подготовили то, что с нами делают... Наша иерархия и Церковь вообще испытывалась все предыдущие годы наблюдающими за нами: что “мы” тако как церковное и на что способны? И “они” убедились, что мы способны на всяческие уступки и в своей традиционной церковности. Нужно изменить внешний вид священника, одеть даже военный мундир (а мундир — великий символ!), — мы согласны потому что восточная внешность священника... некультурна(!) Язык богослужения? На всех языках, сколько угодно! Новый стиль? Пожалуйста! Автокефалия без всяких прав, без согласия церковного народа и своей Церкви-Матери? Готовы! Забыть свой национальный язык в проповеди, в общении с народом, и даже в домашнем окружении? И на это согласны! Только бы свое положение, свои привилегии, власть сохранить... Если бы иерархия для решения всех этих важных вопросов привлекала к участию в их решении духовенство и народ — этого, конечно, не было бы... Советниками же избирались чиновники, которые запятнали церковное управление...”⁹⁴.

Таким образом, полонизация Православной Церкви в Польше намечалась в грандиозных размерах и, конечно, была бы очень быстро осуществлена, если бы не начало Второй мировой войны 1 сентября 1939 г., которая положила конец этой полонизации. После присоединения части территории Польши, населенной украинцами и белоруссами, к Советской Украине в 1939 г., в ее составе очутилось много приходов Польской Автокефальной Православной Церкви (последняя получила такое название согласно декрета президента Польши от 9 ноября 1938 г.). На этой территории было пять епископов — архиепископы Александр (Иноземцев), Алексий (Громадский), епископы Антоний (Марченко), Симон (Ивановский), Поли-

карп (Сикорский). Патриарший местоблюститель митрополит Сергей назначил Николая (Ярушевича) архиепископом Волынским и Луцким, экзархом Западной Украины и Западной Белоруссии. РПЦ начала рукополагать новых епископов: как уже было отмечено, в начале 1939 г. на территории Советской Украины вообще не было ни одного епископа. Три епископа (кроме Александра и Поликарпа) согласились на подчинение Московской Патриархии⁹⁵, епископ Поликарп, хотя и не поехал в Москву, принимал участие в богослужениях и епископских хиротониях с архиепископом Николаем (Ярушевичем).

Остальные православные общины на оккупированной Германией территории Польши возглавлял митрополит Дионисий. Некоторое время Церковью руководил архиепископ Берлинский Серафим (Ляде) (с 23 ноября 1939 г. по февраль 1940 г.). Митрополит Дионисий рукоположил во епископы двух известных украинских церковных деятелей — проф. Ивана Огиенко во архиепископа Холмско-Подлясского (с именем Иларион) и архимандрита Палладия (Ведыбиду-Руденко) во архиепископа Краковского и Лемковского. В первые дни Великой Отечественной войны Луцкий епископ Поликарп вышел из-под юрисдикции Московского Патриархата и вернулся в автокефалию⁹⁶.

Советская власть эвакуировала митрополита Николая (Ярушевича) экзарха Украины, с территории, занятой немцами. Поэтому 18 августа 1941 г. на тайном соборе в Почаевской Лавре архиепископы Алексей (Громадский), Симон (Ивановский), епископы Пантелеимон (Рудык) и Вениамин (Новицкий) решили оставаться в каноническом подчинении РПЦ на правах автономии — это основывалось не только на их личных симпатиях к РПЦ как к канонической, но и на желании подавляющего большинства православных верующих и клира. Основанием для образования Церкви было постановление Всерос-

сийского Поместного Собора 1917–1918 гг. о признании автономной Православной Церкви в Украине. Архиерейский Собор также постановил “Предоставить старшему из имеющихся иерархов Православной Церкви в Украине архиепископу Александрию соответственно 34-му правилу апостолов права областного митрополита” и “считать экзархат в Западной Украине прекратившим свое существование, а экзарха митрополита Николая, который бросил свой экзархат, епископию Волынскую и священноархимандритство в Почаевской Лавре во время большой опасности, потерявшим свои полномочия как по экзархату, так и по епископии и Лавре”.

Признав себя канонически зависимым от Московского Патриархата, областной Собор епископов не имел права упразднить экзархат и увольнять митрополита Николая с должности экзарха РПЦ. Этим закладывался конфликт с РПЦ. В юрисдикции Автономной Православной Церкви (АПЦ) в первое время оставались две Лавры — Киевская и Почаевская, все монастыри и значительное количество храмов. Осенью к ней присоединились еще два архиепископа — Антоний (Марченко) и Дамаскин (Мамота). На осень 1942 г. было уже 16 епископов вместе с рукоположенными⁹⁷.

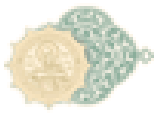
Митрополит Дионисий, ссылаясь на “Томос” Вселенской Патриархии от 1924 г. о даровании Православной Церкви в Польше прав автокефалии, заявил, что Православная Церковь в Польше является правопреемницей древней Киевской Митрополии (до 1686 г.), — т.е. он надеялся непосредственно организовать церковную жизнь и на захваченных Германией землях Украины. Он намеревался прибыть в сентябре 1941 г. в Почаевскую Лавру, созвать там Собор православных епископов Украины и положить начало Украинской Автокефальной Церкви. Но этому воспрепятствовала германская оккупационная власть, которая категорически запретила митрополиту Диони-

сию вмешиваться в церковную жизнь в Украине. В то же время идею автокефалии Православной Церкви в Украине поддерживала и сформированная на Волини с разрешения рейхскомиссара Э. Коха Украинская рада доверия, общественная организация, возглавлявшаяся С. Скрыпником. Она провела 31 августа — 1 сентября 1941 г. совещание в Ровно и приняла решение об избрании временной администрации УПЦ — украинской по составу. Кандидатом на пост главы вновь созданной УАПЦ был архиепископ Иларион (Огиенко). За него высказался грекокатолический митрополит Андрей Шептицкий и украинские организации оккупированных территорий. Но немцы не позволили оставить территорию Польши и архиепископу Илариону. Тогда, по просьбе украинских деятелей, митрополит Дионисий 24 декабря 1941 г. назначил архиепископа Поликарпа (Сикорского) “временным администратором Православной Автокефальной Церкви на освобожденных землях Украины”⁹⁸.

Архиепископ Поликарп в начале февраля 1942 г. приехал в Пинск к архиепископу Александру (Иноземцеву) с разрешением митрополита Дионисия на хиротонию двух волинских протоиереев во епископы. 9—10 февраля 1942 г. они были рукоположены — Никанор (Абрамович) во епископа Чигиринского, Игорь (Губа) — во епископа Уманского. Эти иерархи образовали Пинский Собор (7—10 февраля), где и состоялось организационное становление УАПЦ. Архиепископ Поликарп в своем послании рейхскомиссару Украины Коху отмечал, что считает своим долгом “подчеркнуть полное сознание великой жертвы крови, крови героического немецкого воина, ценой которого достигнуто освобождение упомянутых земель от московско-жидовской власти...”. Этот же Пинский Собор положил начало так называемой “неолипковщине” — он принял постановление о принятии липковцев в “сущем сане”⁹⁹.

Митрополит Поликарп и новые украинские епископы Никанор

нор и Игорь начали рукополагать других епископов, и таким образом на оккупированной территории Украины были образованы две Церкви — Автономная и Автокефальная. (На некоторых территориях возобновила свою деятельность и “живая церковь”, но поскольку она раньше активно поддерживалась советскими спецслужбами, ее гнала немецкая власть — в начале оккупации были расстреляны два епископа и 8 священников этой Церкви). Как в Киеве, так и в других главных епархиальных центрах Украины, находились епископы обеих украинских церквей. Обе эти церковные организации были признаны немецкой оккупационной властью¹⁰⁰.

Здесь нужно в общих чертах обрисовать основные направления политики немецкой оккупационной власти относительно Церкви. Главной линией в решении “религиозного вопроса” на оккупированных территориях была ориентация на внутреннее и внешнее разрушение традиционных устоявшихся структур, “атомизацию” конфессий и Церквей, достижение полного контроля над ними. В самой Германии, во второй половине 30-х годов разрушали храмы, активно арестовывали и расстреливали священников, прежде всего католических. Но на советских территориях властью ставились задачи пропагандистского использования православия как духовной силы, которую преследует советская власть, потенциально враждебной большевизму, и привлечение церковных организаций к содействию немецкой администрации на оккупированных территориях. Во второй половине 1941 г. отдельные офицеры и представители немецкой военной администрации помогали открытию храмов и даже приказывали делать это.

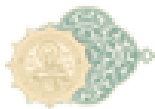
В то же время, согласно указам высшей немецкой власти, “религиозные группы должны быть разделены по национальному и территориальному признаку”, ставилась задача “прежде всего сделать невозможным влияние на занятых территориях

Русской Православной Церкви” — считалось, что ее необходимо дезорганизовать, и, если возможно, вообще ликвидировать. А. Гитлер в 1942 г. заметил, что “нашим интересам отвечало бы такое состояние, при котором каждая деревня имела бы свою секту, где развивались бы свои особенные представления о Боге. Даже если бы в таком случае в отдельных деревнях возникли шаманские культы... мы могли бы это только приветствовать, ибо это только увеличило бы количество факторов, которые дробят русское пространство на мелкие единицы”.

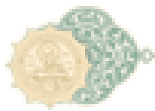
Чтобы не допустить возрождения сильной и единой Русской Церкви, немецкое руководство уже с осени 1941 г. организовало поддержку некоторых православных иерархов в Украине, Прибалтике и Белоруссии, которые выступили против Московской Патриархии и объявили о своем намерении образовать автокефальные церковные организации. В Украине заместитель Э. Коха Даргель издал своего рода сенсационный указ о полном разделении как автокефальной, так и автономной Церквей на несколько независимых, по две соответственно в каждом генерал-бецирке. Причем контроль становился тотальным. Генерал-комиссары имели право не только назначать и смещать глав этих Церквей и епископов, но и давать предварительную санкцию на абсолютно все рукоположения в сан, назначения или смещения священников. Такого не знала ни Синодальная, ни советская система государственного контроля над Церковью! Кох приказал также генерал-комиссарам “всеми способами противиться” объединению автокефальной и автономной Церквей.

Однако немецкая власть изменила свою церковную политику относительно Украины в ходе войны в конце 1943—1944 гг. В это время она попыталась воплотить идею поддержки национальных Церквей и, прежде всего, образования единой Украинской Церкви, даже с избранием Патриарха, причем властями уже были подобраны две подходящие кандидатуры: “Ослабле-

ние экспортированной из Москвы Православной Церкви (Московский Патриархат), наряду с использованием Православной Церкви как инструмента управления, является исходным пунктом и руководящей идеей министерства. Поэтому со стороны министерства осуществлялась поддержка всех устремлений к самостоятельности в Православной Церкви... Согласно сделанным наблюдениям, в качестве руководителя единой Украинской Церкви могут обсуждаться только епископы Иларион или Мстислав...", "Единая Православная Церковь в Украине под руководством антибольшевистски настроенного, надежно европейски ориентированного митрополита или патриарха совместима с германскими целями". Велись переговоры между германской властью и епископом Мстиславом (Скрыпником) о поддержке Украинской Автокефальной Церкви в 1944 г., уже после эвакуации архиереев последней с территории Украины. Но, конечно же, в конце 1944 г. в условиях приближающегося краха III рейха было уже не до выборов Украинского Патриарха¹⁰¹.

Вернемся теперь к событиям внутрицерковной жизни. В конце сентября 1941 г., вскоре после оккупации Киева, возобновила свою деятельность ВПЦР. В октябре, по утверждениям зарубежных автокефальных историков, к ней присоединились представители всех возобновленных православных приходов города. Но в декабре 1941 г. в Киев прибыл епископ Автономной Церкви Пантелеимон, который сразу же перехватил инициативу у автокефалистов, и преобладающее большинство общин оказалось под юрисдикцией АПЦ. ВПЦР сразу же после назначения администратора УАПЦ начала требовать украинского епископа для Киевщины. Архиепископ Поликарп после Пинского Собора направил в Киев обоих рукоположенных епископов — Никанора и Игоря. Появление в середине марта 1942 г. в Киеве иерархов УАПЦ вызвало раскол верующих и борьбу между духовенством. Уже 18 марта 1942 г. епископ

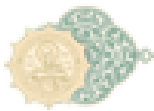
АПЦ Пантелеимон опубликовал отзыв, в котором обвинял УАПЦ в неканоничности и призывал верующих не признавать Никанора и Игоря как православных архиереев. УАПЦ получила в Киеве Андреевский собор и две церкви, автономная Церковь имела 8 монастырей и 14 храмов и получила помещение Духовной консистории, где размещалась распущенная в феврале 1942 г. ВПЦР.

Епископ Никанор стал заместителем администратора УАПЦ в Восточной Украине. Он в апреле 1942 г. создал Высшее церковное управление (ВЦУ), которое возглавил Р. Мельниченко. Два епископа (Никанор и Игорь) рукоположили за 3 месяца 103 священника, которые потом действовали в Киевской области.

Второй собор УАПЦ состоялся в Киеве 9—17 мая 1942 г. Игорь и Никанор были возведены в сан архиепископов, во епископы были рукоположены 6 человек, среди них Мстислав (Скрыпник) и Мануил (Тарнавский). Последний вскоре присоединился к Автономной Церкви, за что был убит националистами в 1943 г. Для установления канонических связей с Константинопольским Патриархатом митрополита Дионисия провозгласили местоблюстителем Киевского митрополичьего престола.

Германская власть 26 мая приказала не проводить хиротоний без ее разрешения, но УАПЦ нарушила указание, — летом 1942 г. рукоположили еще 4-х иерархов, и в сентябре власть окончательно запретила хиротонии, — до конца оккупации УАПЦ смогла рукоположить только одного епископа.

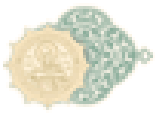
В развитии УАПЦ большую роль сыграл епископ Переяславский Мстислав (Скрыпник), которого в конце мая 1942 г. назначили викарием архиепископа Никанора. Самым большим успехом Мстислава считают согласие митрополита Феофила (Булдовского) на присоединение к УАПЦ (Феофил в свое вре-

мя крестил в Полтаве Скрыпника и у них сложились потом дружеские отношения). После закрытия в 1937 г. последнего прихода его церкви митрополит совсем отошел от церковных дел. Когда с приходом германских войск Харьков стал одним из центров религиозной жизни, 77-летний митрополит вернулся в ноябре 1941 г. к церковной деятельности.

После оккупации в составе городской управы Харькова был создан религиозный отдел. Его возглавил Лебединский, который, мало что понимая в церковных делах, привлек в качестве консультанта бывшего председателя ВПЦР УАПЦ В. Потиненко. Городская управа, в которой преобладали сторонники автокефальной церкви, зарегистрировала бывших священников и разрешила открывать храмы. Вскоре митрополит Феофил встретился с немецким генералом Баумом и доктором богословия Вагнером. Феофил согласился возглавить церковное управление и занялся его организацией. Он полностью контролировал церковную жизнь города. В Харькове наметился раскол — религиозный отдел городской управы, члены “Гражданского комитета”, “Просвиты” были сторонниками “липковской” УАПЦ. Они пытались диктовать Феофилу свои требования, отменяли его распоряжения. Религиозный отдел послал циркуляр, что в Украине существует только одна УАПЦ с единым церковным управлением, вводил во всей Харьковской области единое молитвенное помяновение покойного архиепископа Василия (Липковского), митрополита Киевского и всея Украины. Булдовского содержание циркуляра не устраивало из-за внесения в поминовение на первое место Липковского, а его — на второе, и то, не как митрополита всея Украины, а лишь как митрополита Харьковского и Охтырского. Вскоре Феофил вообще запретил помянать Липковского и отмежевался от УАПЦ, которую возглавлял архиепископ Поликарп.

Феофил действовал в области, подконтрольной герман-

ному военному командованию, более либеральному, нежели управление Э. Коха. В его юрисдикции находилось около 400 общин: в Харьковской области — около 200, также и в других областях, даже в русских — Воронежской и Курской. После посещения Харькова епископом Мстиславом летом 1942 г. Феофил присоединился к УАПЦ во главе с архиепископом Поликарпом. Он на то время был старейшим по хиротонии, и, присоединив около 400 приходов, имел вполне реальные шансы стать главой УАПЦ — претензии на это он высказывал еще в начале 1942 г., но не был поддержан ни иерархией, ни оккупационной властью.

В апреле 1942 г. прихожане четырех церквей Харькова перешли от Феофила к автономной Церкви, но с помощью власти две церкви митрополиту удалось вернуть. Настоятели двух других церквей организовали епархиальное управление АПЦ с подчинением через епископа Полтавского Вениамина митрополиту Алексию. Но Феофил, пользуясь поддержкой власти, сделал практически невозможным переход приходов в другую Церковь. Митрополит разослал бургомистрам районов письма, в которых запретил допускать к церковной деятельности священников без документов с его подписью. В других регионах Украины на одних и тех же территориях действовали епископы обеих церквей.

На деятельность автокефальной церкви во многих регионах влияла “Просвита”, за спиной которой стояла ОУН, с ее требованиями немедленной украинизации богослужения. Однако многие архиереи, священники, даже настроенные проукраински, не поддерживали эту идею, так как насильственное введение украинского языка могло вызвать противодействие со стороны низового духовенства и мирян.

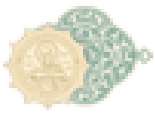
5 февраля 1942 г. патриарший местоблюститель РПЦ митро-

полит Сергей обратился к православным верующим Украины с посланием, в котором осудил деятельность архиепископа Полкарпа и возглавляемой им УАПЦ, как провозглашенной неслыханным способом, идущей “вслед за немецкими войсками, с помощью которых автокефалисты будут под ноги подбивать автокефалии украинский народ, хочет он этого, или не хочет.. 28 марта 1942 г. было принято постановление архиерейского собора РПЦ, которым архиепископа Поликарпа лишили сана.

Поликарп ответил, что не находился в юрисдикции Московского Патриархата, и что митрополит Сергей является орудием в руках советских властей, а его нападения придиктованы потребностями советской пропаганды. Несколько раз против местоблюстителя выступал и митрополит Феофил – это делалось по настоянию гестапо г. Харькова. К середине 1942 г. в УАПЦ сложилась крайне напряженная ситуация – ее духовенство говорило о немцах как об освободителях, а население уже было очень резко настроено против немцев. Епископ Мстислав признавал в частной беседе: “...немцы массовым арестами запугивают людей. Ныне настало такое время, когда приходится хитрить. Приходится вести политику контактов с немцами и одновременно учитывать и не забывать о массовых антинемецких настроениях населения Украины”. Обращение к народу с агитацией молодежи выезжать на работу в Германию и бороться с движением сопротивления подрывало авторитет обеих Церквей. Во время провозглашения такой речи митрополитом Поликарпом люди демонстративно выходили из собора, а его “Послание” священниками было проигнорировано. Он утратил авторитет.

3 октября 1942 г., когда большинство епископов УАПЦ были в Луцке (хотели созвать собор), рейхскомиссар запретил проведение собора “при участии украинских политических деятелей в епископской одежде”. Это было явным ударом по

УАПЦ, все епископы которой, по словам немецкого историка Церкви в Украине Гейера, были в первую очередь политическими деятелями, тогда как епископы Автономной Церкви были настоящими монахами, аскетами. Но делегаты все же решили обсудить самые важные дела в “частных” беседах архиереев и присутствовать на соборном церковном торжестве, которое прошло в Луцком кафедральном соборе 4 октября 1942 г. Тут же Поликарпа возвели в сан митрополита. Самой актуальной темой было преодоление раскола в православии. Специально созданная комиссия выработала проект постановления об объединении Автокефальной и Автономной Церквей, с которым делегация в составе архиепископа Никанора и епископа Мстислава отбыла в Почаевскую Лавру на переговоры с митрополитом Алексием. Поводом для поездки было письмо Алексия Поликарпу от 29 июня 1942 г., где он предлагал собраться на совместное совещание и все обсудить. Дело в том, что украинское партизанское движение бандеровцев развернуло террористические акты против духовенства Автономной Церкви, особенно в селах Волыни и Подолья. В результате этого террора на Волыни, например, начался массовый переход сельских приходов в автокефалию.

8 октября 1942 г. митрополит Алексий, архиепископ Никанор и епископ Мстислав подписали “Акт примирения”, в котором говорилось, что “существующее разделение Православной Церкви в Украине на два направления фатально отразилось на жизни Церкви и украинского народа... 1) Признаем, что фактически УАПЦ уже существует. 2) УАПЦ имеет общение со всеми Православными Церквями через его Блаженство Блаженнейшего митрополита Дионисия, который до созыва Украинского Поместного Собора является местоблюстителем Киевского митрополичьего престола”.

Значительная часть епископов выступила против такого

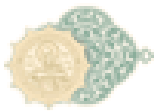

объединения по трем причинам: 1) автокефалисты осуществляли епископскую хиротонию над женатыми и семейными; 2) они принимали священников, рукоположенных Липковским и епископами; 3) они ставят политику выше собственно церковных интересов. Главным же было желание остаться в канонической юрисдикции Московского Патриархата. Митрополит Алексей вынужден был вскоре опубликовать обращение, в котором “Акт примирения” трактовал только как проект, пропущенный камень для выяснения отношения духовенства к идее объединения, который должен быть утвержден собором епископов.

7 мая 1943 г. по дороге из Кременца в Дубно неизвестные лица убили митрополита Алексея. Некоторые исследователи виновниками гибели митрополита считают украинских националистов, которые, поддерживая УАПЦ, целеустремленно уничтожали иерархов-автономистов (вскоре был убит еще и епископ Мануил (Тарновский), которого повесили по приговору суда УПА). Есть и версия о заинтересованности фашистов в такой акции.

Вскоре после смерти митрополита Алексея был проведен собор епископов, на котором “старшим епископом” Церкви стал Дамаскин, епископ Каменец-Подольский. Но, из-за быстрого наступления советских войск во второй половине 1944 г. Автономная Церковь, как самостоятельная организация, уже ничего не делала. На освобожденной территории ее приходы функционировали уже как приходы РПЦ. Все иерархи-священники УАПЦ и большинство иерархов-автономистов выехали на Запад.

23 августа 1943 г. Харьков был освобожден, и, приспосабливаясь к обстоятельствам, Феофил написал рапорт новому избранному Патриарху Московскому Сергию с просьбой принятия под свою юрисдикцию. Митрополит пытался спастись, но 11 ноября 1943 г. его арестовали, и, 7 января 1944 г.

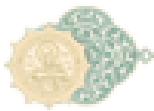

после допросов “с пристрастием”, 78-летний иерарх попал в больницу, где 23 января умер.

15 октября 1944 г. в Киевском Владимирском соборе состоялось торжественное богослужение по поводу окончательного освобождения Украины. Его возглавил митрополит Иоанн, который стал экзархом Украины, митрополитом Киевским и Галицким¹⁰².

Среди зарубежных Православных Церквей, созданных украинцами, в основном, бывшими деятелями раскольниковских церквей в Украине, самой старой является Украинская Греко-Православная Церковь в Канаде, с 1980 г. — УПЦ. В 90-х годах XIX ст. переселенцы из западных областей Украины в Северную Америку, греко-католики, желали освободиться от власти Рима в связи с усилением латинизации. Православные украинцы-эмигранты также мечтали о национальной независимости в церковных делах. Представители этих двух течений встретились 19 августа 1918 г. в г. Саскатун, в Канаде, и создали “Украинскую Православную Церковь в Канаде”. Ее первые общины подчинялись архиепископу РПЦ в Нью-Йорке Александру (Немоловскому), затем митрополиту Антиохийской Церкви Германосу. Когда в Америку дошла весть о возникновении УАПЦ, местные украинцы, которым факт липковского “самосвятства” не был известен, просили Липковского назначить в Канаду епископа УАПЦ. В 1924–1950 гг. главой этой Церкви был архиепископ “липковского рукоположения” Иоанн Теодорович.

Митрополит Поликарп (Сикорский) и епископат УАПЦ, оказавшись после окончания войны в эмиграции в Германии, перессорились и разделились. Митрополит Поликарп лишен сана, отлучал от Церкви не только духовенство, а даже и епископов. Последние также разбились на враждующие между собой группировки, и в результате архиепископы Никанор

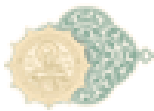

(Абрамович) и Игорь (Губа), епископы Сильвестр (Гаевски) и Григорий (Огийчук) создали отдельный синод, отмежевали от митрополита Поликарпа, отчислили его за штат и запретили поминать за богослужением.

Еще больше раскол между епископатом УАПЦ углубил после Собора епископов в Ашафенбурге в октябре 1947. Перед тем, в мае 1947 г., в Мюнхене, прошел Собор епископов той же УАПЦ, который решительно отмежевался от “липковцев-самосвятов” и вынес постановление о принятии в каноническое общение американского архиепископа Иоанна Теодоровича и всех им рукоположенных клириков при условии новохиротонии. Такое определение встретило оппозицию среди некоторых священников “липковского посвящения”, которые не желали принимать новой хиротонии. Священники эти нашли поддержку среди некоторых мирян, организовали группу из 11 человек и подали митрополиту Поликарпу мотивированный протест против соборного определения, требуя его пересмотра. К этой группе присоединился и епископ Григорий (Огийчук), который также нуждался в новой хиротонии. Они угрожали выйти из УАПЦ и признать своим главой епископа Григория архиепископа Иоанна Теодоровича.

Собор принял решительные меры против новых “раскольников” и лишил сана епископа Григория и священников, а миротлучил от Церкви и предал анафеме. Раскол среди епископов УАПЦ был ликвидирован уже после смерти митрополита Поликарпа в октябре 1953 г. во Франции. 7 августа 1955 г. в Париже под руководством нового митрополита Никанора на заседании митрополичьего Совета и Синода было пересмотрено определение Собора в Ашафенбурге, все церковно-дисциплинарные санкции против епископа Григория и других были отменены.

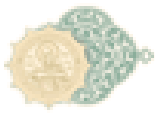
Новая волна эмиграции после Второй мировой войны попо-

и́ла украинские церкви в США и Канаде. В 1950 г. на собрании духовенства в Нью-Йорке было решено создать в США отдельную УАПЦ. До 1971 г. ее возглавлял митрополит Теодорович, после — Мстислав Скрыпник. Центр ее находится в Саут Бавнд Брук, штат Нью-Джерси, возле Нью-Йорка. Она имеет 95 приходов в США, 53 в Западной Европе и 11 в Австралии и Новой Зеландии.

Представители ряда православных украинских приходов в Канаде в 1951 г. на Соборе провозгласили создание Украинской Греко-Православной Церкви в Канаде во главе с митрополитом Иларионом (Огиенко). С 1990 г. Церковь, которая насчитывает три епархии и 92 прихода, возглавляет митрополит Василий (Федак) — “митрополит Виннипега и вся Канады, первоиерарх УПЦ в Канаде”. Среди других — “УАПЦ соборно-правная” (около 5 тыс. верующих в США, Южной Америке и Австралии), “УПЦ в Америке, Вселенский Патриархат” (около 13 тыс. верующих)¹⁰³. Итак, как свидетельствуют вышеприведенные факты, единства между “независимыми” друг от друга автокефальными церквями, которые носят название “украинских”, нет, хотя, казалось бы, они имеют все основания для объединения.

Автокефалия в Украине в послевоенный период прекратила свое существование. Епископат и значительное количество священнослужителей УАПЦ эмигрировали на Запад. Автокефальные приходы или перешли под юрисдикцию РПЦ, или распались сами по себе, или были закрыты. До конца 80-х годов приверженцы автокефализма о себе не заявляли. Однако в период “перестройки” и вспышки децентрализационных настроений в среде прежде всего интеллигенции начали возникать мысли о необходимости самостоятельной Украинской Церкви. В феврале 1989 г. в Киеве был создан Комитет по возрождению УАПЦ, подобно Львовскому по возобновлению Греко-Католи-

ческой Церкви. Его главой стал священник М. Михайленко, который служил на приходе в Латвии. Остальные члены Комитета были светскими лицами из новых политических объединений. Комитет сделал попытку зарегистрировать первую общину УАПЦ в Киеве в церкви св. Николы Набережного на Подол, но когда это не удалось, перенес центр своей деятельности в Львов, в собор свв. апп. Петра и Павла. Там 19 августа 1989 было провозглашено существование первой общины возобновленной УАПЦ. В октябре 1989 г. и в январе 1990 г. во Львов, Галиче и Тернополе состоялись совещания православного духовенства — областные соборы, на которых принимается решение, чтобы “украинское национальное православие было автокефальным”.

Львовский Собор автокефальных священников и их приверженцы 20 октября 1989 г. обратились к бывшему Житомирскому епископу РПЦ Иоанну (Боднарчуку) “...с просьбой взять под свою духовную опеку УАПЦ и возглавить ее”. Епископ Иоанн дал согласие. Осенью и зимой 1989—1990 гг. во Львовской, Ивано-Франковской, Тернопольской областях и в Киеве создаются светские структуры, поддерживающие возрождение УАПЦ — братства св. ап. Андрея Первозванного.

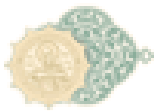
В мае 1990 г. Совет по делам религий при Совете Министров СССР принял решение о регистрации приходов УАПЦ, а 7 июня 1990 г. зарегистрировал ее устав. На 1 января 1991 она имела 939 приходов.

Постановлением Священного Синода РПЦ от 14 ноября 1989 г. епископ Иоанн был лишен священного сана и монашества. Но это не остановило автокефалистов. Они собрали первый Всеукраинский Собор возобновленной УАПЦ 5—6 июня 1990 г. в Киеве в Доме кино. Заметный интерес к этому событию проявили представители общественно-политических течений, художественной и научной интеллигенции, народны

Депутаты. Собор избрал заочно патриархом УАПЦ митрополита Мстислава (Скрыпника) с титулом “Патриарха Киевского и всея Украины”. Степан Иванович Скрыпник родился в 1898 г. в Полтаве, доводился племянником Симону Петлюре. С 1921 г. в эмиграции. В 1930 г. закончил Варшавскую высшую школу политических наук. До войны жил и работал на Волыни. Польскими органами власти назначен секретарем Ровенской волости, затем избран депутатом Польского сейма. Во время оккупации вначале редактировал газету “Волынь”, затем занялся религиозной деятельностью. В апреле 1942 г. был рукоположен во диакона, а в мае того же года — возведен в сан епископа Переяславского. В 1943 г. выехал в Германию, создал там другие, новые общины УАПЦ. В 1947–49 гг. — Мстислав Скрыпник становится правящим епископом Украинской Греко-Православной Церкви в Канаде. После создания самостоятельных церквей в США и Канаде в 1950 г. на Соборе духовенства УПЦ в США он был избран заместителем главы, а позже — главой Собора епископов. Наместником патриаршего престола на этом же Соборе был избран митрополит Львовский и Галицкий Иоанн (возведен в митрополичий сан этим же Собором). 16 ноября 1990 г. был создан Собор епископов УАПЦ — 8 архиереев, которые служили в Украине, 4 — представители УАПЦ диаспоры. 18 ноября 1990 г. в Софиевском соборе г. Киева состоялась интронизация патриарха Мстислава.

В западных областях Украины 25% интеллигенции, согласно социальным опросам, считали себя греко-католиками. Это была единственная социально-профессиональная группа, где сторонники УГКЦ количественно преобладали над сторонниками УПЦ. Главную роль в формировании проуниатских настроений сыграл так называемый “третий чин” — светские защитники греко-католичества, люди, давшие обет служения

униатской церкви, но официально к священнослужителям относящиеся — в основном, представители интеллигенции. Они создавали и поддерживали проуниатскую атмосферу учебных и научных учреждений, среди интеллигенции, молодежи, в новых политических объединениях, средствах и формации. Одновременно формировалось резко негативное отношение к Православной Церкви. Из нескольких моделей возобновления УГКЦ (межнациональная, национально-националистическая, просто Церковь) более всего пропагандируется националистическая.

Автокефализм в Украине прошел ряд стадий. Известно минимум 8 вариантов автокефалии Церкви. За каждой из них стояли различные социальные и политические силы. Поэтому автокефализм не был и не является чем-то единым. Как раньше, так и теперь, единства среди сторонников автокефалии нет. Сейчас в Украине фактически существуют два центра автокефалии — Киев и Львов. Наряду с общими моментами здесь есть различия в социальной базе, целях, мотивах. Автокефализм в западных областях — это, прежде всего, реакция православных на наступление униатства, способ самосохранения православия в духовной атмосфере, которая насыщена резким негативизмом по отношению к РПЦ и УПЦ, находящейся в каноническом единстве с Московским Патриархатом. Ощущая натиск униатства, православные верующие вначале апеллировали к органам власти и патриарху, но, увидев, что это не приводит ни к каким результатам, взяли курс на автокефалию.

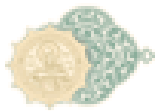
База автокефалистов в западных областях главным образом сельская, хотя доля последователей УАПЦ, по данным исследований Института социологии АН СССР 1990 г., приблизительно одинакова среди всех социально-профессиональных групп (18% работников промышленности, 10% сельских тружеников, 15% инженерно-технических работников, 11% интеллигенции).

В восточных областях УАПЦ — явление, прежде всего, городское. Ее последователи главным образом являются радикалами национального возрождения и политической независимости, которые происходят из научно-технической и творческой интеллигенции. Согласно исторически устаревшей схеме, они видят в самостоятельности Церкви основу политической самостоятельности государства, не учитывая, что плюрализм, за который они ратуют и который в последнее время исповедуется фанатичнее, нежели религия, разъедает любую религию, ослабляет ее роль как интегрирующего фактора.

Традиционных верующих среди автокефалистов в восточных областях немного. За автокефалию стоят преимущественно верующие секулярного типа, “верующие-атеисты” из интеллигенции, которые воспринимают религию как моральную и политическую силу. Этим самым они создают препятствия для автокефалии, потому что верующим для удовлетворения религиозных потребностей нужна Церковь, а не политическая организация. Церковь отличалась и будет отличаться от политической партии. Назначение Церкви — удовлетворять духовные потребности людей, а не их политические намерения. Политизация Церкви, как свидетельствует история, в конце концов заканчивается упадком самой Церкви. Автокефалисты ослабляют собственные позиции и тем, что на политической основе блокируются с униатами против Украинской и Русской Православных Церквей (примером являются события на площади перед Софиевским собором 28 октября 1990 г. в Киеве, когда автокефалисты вместе с греко-католиками, чтобы не допустить сторонников УПЦ к собору, прибегли к нарушениям общественного порядка).

Но греко-католическое церковное руководство очень быстро увидело в лице УАПЦ реальную альтернативу своим планам монополизации влияния на духовно-религиозную сферу жизни

Галичины (те же национальные лозунги). Это положило крепкому мирному сосуществованию двух Церквей. УГК почти вся в 1992 г. была сосредоточена в западных областях. Средства массовой информации создали впечатление, будто бы в западных областях основную часть верующих составляли греко-католики. Но по данным исследования Института социологии АН СССР в 1990 г., к последователям православия причислили себя 46% населения региона (из них 31% — сторонники УПЦ, 15% — УАПЦ), к последователям УГКЦ — 23%. Причем, среди опрошенных рабочих сторонников УГКЦ и УПЦ одинакова (30%), среди интеллигенции — 25% и 21%.

За 1 год автокефалия практически исчерпала возможность экстенсивного развития. Абсолютное большинство ее церквей находится во Львовской, Ивано-Франковской и Тернопольской областях: на 1 января 1991 г. — 905 общин; в восточных областях — всего 21. (За рубежом среди всей украинской диаспоры — всего около 500 приходов). И на западе, и на востоке Украины распространение автокефалии до нового раскола 1992 г. постепенно остановилось. В западных областях ее возможности были исчерпаны полностью, в восточных — идея автокефалии массовой поддержки у верующих не нашла¹⁰⁴.

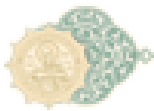
31 января 1990 г. Архиерейский Собор РПЦ принял «Положение об экзархатах». Украинскому экзархату был придан официальный статус и название УПЦ. Создан был Синод УПЦ. Но жизнь требовала дальнейших изменений в структуре Московского Патриархата. Провозглашение суверенитета Украины поставило вопрос о необходимости самостоятельности УПЦ. 9 июля 1990 г. епископат УПЦ обратился к Патриарху Московскому Алексию II и Священному Синоду РПЦ с соответствующими просьбами. 25–27 октября 1990 г. Архиерейский Собор РПЦ принял решение о предоставлении УПЦ

независимости и самостоятельности в управлении. Экзарх получил титул Митрополита Киевского и всея Украины. Грамота Патриарха Алексия II о независимости УПЦ от 27 октября 1990 г. была торжественно вручена митрополиту Филарету и Синоду УПЦ в Софиевском соборе 28 октября 1990 г. В грамоте дано благословение “быть отныне Православной Церкви в Украине независимой и самостоятельной в своем управлении”.

Согласно новому статусу, УПЦ является самостоятельной, независимой в управлении, сама решает кадровые вопросы — поставление епископов. Епископы должны выбираться и назначаться на должности Синодом УПЦ. Самостоятельно решается вопрос и о создании новых епархий в Украине. Глава УПЦ — Митрополит Киевский и всея Украины — избирается украинским епископатом, а Патриарх Московский только благословляет это избрание. Самостоятельность также означает, что все вопросы церковной, финансовой, хозяйственной, просветительской, благотворительной деятельности решаются лишь Синодом УПЦ. Фактически эта автономия является более широкой, чем автономия, предоставленная Православной Церкви в Украине Всероссийским Поместным Собором 1917–1918 гг.

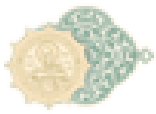
Как видим, УПЦ после сложных исторических перипетий вернулась к тому положению, которое имела Киевская Митрополия до перехода ее в юрисдикцию Московского Патриархата. Тогда Митрополит Киевский избирался собором епископов Киевской Митрополии, а утверждался (получал Благословенную грамоту) от Константинопольского Патриарха¹⁰⁵. “Таким образом, — писал в то время митрополит Филарет (Денисенко), — мы являемся именно той Церковью, которая существовала во времена казачества, во времена Петра Могилы, Церковью, которая начала свое существование во времена святого князя Владимира”¹⁰⁶.

Но уже через год, 1—3 ноября 1991 г., митрополит Филар собрал Собор УПЦ в составе 95 делегатов от 22 епархий и монастырей, где отметил, что "...Государственная независимость Украины ставит перед нами вопрос о создании независимой Православной Церкви на Украине... Мы являемся самостоятельной и независимой Церковью, но наша независимость неполная. В условиях новой государственной структуры возникает опасность дальнейшего распространения автофального раскола в Украине... Но мы не можем объявить самчинную автокефалию. Мы пойдем каноническим путем. А это означает, что нам нужно обратиться к Матери-Церкви просьбой о даровании Украинской Православной Церкви полной независимости с тем, чтобы она, после признания ее Всочными Патриархами и всеми Поместными Церквями, ставной им Поместной Церковью"¹⁰⁷. Таким образом, этот Собор обратился к РПЦ с просьбой о даровании автокефалии Украинской Православной Церкви.

Но на архиерейском Соборе РПЦ, который состоялся 31 марта — 4 апреля 1992 г., митрополита Филарета вопросе о даровании автокефалии УПЦ никто, кроме трех украинских архиереев, не поддержал. Вопрос о предоставлении автокефалии УПЦ был перенесен на будущий архиерейский Собор в 1995 г. На этом же Соборе (1992 г.) большинство архиереев обвинили митрополита Филарета в том, что он несет личную ответственность за все случившееся в Украине (автофальный раскол), а также в действиях, порочащих его сан, а он был вынужден пообещать подать в отставку на будущем архиерейском Соборе УПЦ. Но он этого не сделал.

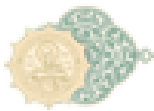
Эти события были использованы государственной властью национально-патриотическими силами в их устремлении поставить Церковь на службу своим политическим интересам идеологии, для чего митрополит Филарет оказался наиболее

подходящей кандидатурой. Заручившись их поддержкой, он отождествил себя с идеей автокефалии, гонителем которой он был до того, и отказался идти в отставку. Архиерейский Собор УПЦ в г. Харькове 27 мая 1992 г. лишил митрополита Филарета сана** и избрал предстоятелем УПЦ митрополита Владимира (Сабодана), бывшего управляющего делами Патриархии РПЦ. Филарет, не признав решений этого Собора, в ответ провозгласил автокефалию УПЦ, которую он якобы возглавляет, а 25–26 июня провел Всеукраинский Православный Собор, где было объявлено об объединении УПЦ и УАПЦ в новую Церковь под названием УПЦ — Киевский Патриархат. Патриархом был избран Мстислав Скрипник, а его заместителем — Филарет. Власти Украины, которые, вероятнее всего, инспирировали эти события, поддержали создание УПЦ-КП.

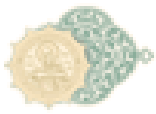
Сам Мстислав, отсутствовавший на соборе и не дававший разрешения ни на объединение Церквей, ни на свое избрание, в ноябре 1992 г. заявил о недействительности этого избрания и ликвидации УАПЦ, а инициаторов объединения со стороны УАПЦ — митрополита Масендича и архиепископа Владимира Романюка отлучил от Церкви. Значительная часть приходов УАПЦ также не признала объединения. После смерти патриарха Мстислава в октябре 1993 г. на Поместном Соборе Патриархом УАПЦ был избран Димитрий (Владимир Ярема), а на Всеукраинском Православном Соборе патриархом УПЦ-КП — Владимир (Романюк), его заместителем — Филарет (Денисенко)¹⁰⁸.

Властные структуры сыграли роль одного из основных инициаторов раскола 1992 г. Тон задал президент Л.Кравчук, который после Харьковского Собора заявил о незаконности и непризнании его решений. Не менее решительно он поддерживал Всеукраинский Православный Собор, который созвал УПЦ-КП. Выражением политики президента по отношению к

Церкви в этот период стала его фраза, произнесенная осенью 1992 г.: “Церковь должна быть независимой от вмешательств внешних религиозно-политических центров”, или более кратко лозунг: “Независимая Церковь в независимом государстве”¹¹

Интересно, что на I Украинском межрелигиозном форуме 19–20 ноября 1991 г. в Киеве в своем выступлении Л. Кравчук тогда еще глава Верховной Рады Украины, вкладывал другой смысл в те же слова. Он взял на себя от имени государства вину за религиозные притеснения во времена советской власти и заверил, что в Украине такого не будет. “Свободная Церковь в свободном государстве — в этом смысл государственной политики по отношению к Церкви... Сейчас высказываются мысли о необходимости создания национальной, государственной Церкви. К сожалению, эти мысли высказывают и народные депутаты, и чиновники высокого ранга. Но никакой “государственной”, “нашей” или “не нашей” религии не может быть — в религии, в которые верят граждане Украины — наши... Призывы к созданию единой национальной Церкви рождены романтикой национального возрождения. Эти романтики не знают, как это сделать и какие будут последствия. Нас ожидает реалистическая религиозная ситуация, формирование единой религии и Церкви нам не угрожает; возможно, кто-то сможет насильственно это сделать — но я это вмешательство в сферу Церкви отмечаю... К сожалению, вмешательство нерелигиозных организаций во внутренние дела религиозных, либо одной религии во внутренние дела другой существует, и это нужно искоренять. Пусть сами верующие решают, какая Церковь лучше, где быть их центру... Главной причиной межнациональных конфликтов является искусственная политизация их нецерковными силами, которые их используют. Необходимо деполитизировать эти отношения. Если убрать политизацию, выяснится, что противоречий не так уже и много”¹¹⁰. Очевидно, через полгода

Л.Кравчук изменил свое мнение относительно этого вопроса на прямо противоположное.

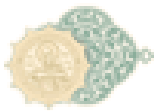
Хотелось бы также привести современные статистические данные (на 1 января 2000 г.) относительно количества приходов УПЦ (8490 общин, или 70,2% всех православных общин Украины, наименьшее их количество (примерно 22% всех общин УПЦ) находится в трех западных областях Украины — Львовской, Тернопольской и Ивано-Франковской), УПЦ-КП (2491 община, или 20,6% от всех православных общин Украины, наибольшее их количество находится во Львовской, Ивано-Франковской, Киевской, Ровенской, Волинской и Тернопольской областях (от всех общин УПЦ-КП 65% в западных областях, 9% в Киевской области), УАПЦ (989 общин, или 8,2% от общего количества православных общин в Украине, наибольшее их количество находится в западных областях (85% от всех общин УАПЦ)¹¹¹.

На основе сделанного краткого обзора главных событий в церковной жизни XX в., обстоятельств возникновения расколов, характеристики некоторых их деятелей и идей, церковной организации, отношений со светской властью, последствий и др. можно сделать некоторые обобщения:

— церковные расколы возникают в периоды общей политической и социально-экономической нестабильности, смены власти и возникновения новых государственных образований;

— зарождение движения за автокефалию прямо связано с изменением политических обстоятельств в жизни государства, когда преимущественно миряне (“околоцерковная” интеллигенция и политики), используя общую нестабильность, пытаются взять управление церковной жизнью в свои руки;

— возникновению расколов часто способствуют властные структуры, пытаясь использовать церковную политику для достижения своих целей, поддерживая раскольников (укра-

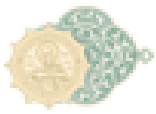
инские правительства 1917–1920 гг., немецкая оккупационная власть, ситуация в жизни современной Украины), или даже непосредственно создавая расколы для ослабления и уничтожения Церкви (советская власть в 20–30-е годы);

— основные деятели расколов следуют указаниям и давлению государственной власти (Польская автокефалия, возникновение УПЦ-КП в 1992 г.), или доказывают свою “полезность” для государства и пытаются оправдать свое существование “соответствием новым условиям жизни, современному менту” (УАПЦ 20–30-х гг., современная УПЦ-КП, и в результате помогают враждебному по отношению к Церкви государству (польскому 20–30-х гг., советскому) уничтожать Церковь;

— характерным для раскола является захват храмов незаконными методами против воли верующих, часто при помощи представителей местных структур власти;

— почти все инициаторы расколов либо были недовольны своим личным положением в канонической церковной структуре, либо несли церковные наказания за нарушение канона и церковной дисциплины, и прежде всего, желали своей личной власти в Церкви, пусть и не канонической, пытались создать “свою” Церковь, которая могла бы удовлетворить их собственные амбиции, используя для этого политические обстоятельства;

— в церковную жизнь раскольниками переносятся методы политической борьбы, современная им политическая идеология и терминология того государственного образования, на территории которого они существуют (“национальная” — деятелей ВПЦР 1917–1920-х гг., современных УАПЦ и УПЦ-КП, “революционная” — деятелей УАПЦ 20–30-х гг. и обновленческих структур того же времени), на оппонентов они навешивают политические “ярлыки”, церковные канони

объявляются “исключенными из употребления новыми требованиями жизни Церкви”;

— в результате этого происходит снижение уровня духовной жизни и ослабление церковной дисциплины внутри раскольнических церковных структур, упадок монашества.

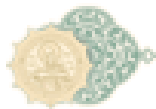
Перспектива объединения православных Церквей станет возможной в том случае, если отпадут нерелигиозные факторы их разъединения, как мы видели на примере предыдущих автономий в Украине. Само по себе религиозное сознание масс, когда на него не давят внешние факторы, функционирует на той основе, которая исторически сложилась. Поэтому, как бы ни называлась Православная Церковь в Украине, реальной ее религиозностью будет традиционное православие.

Библиографические ссылки:

1. Історія Християнської Церкви на Україні (Релігієзнавчий довідковий нарис). К., Наукова думка., 1992. С. 4.
2. Поспеловский Д. Православная Церковь в истории Руси, России и СССР. М., Библийско-Богословский институт св. апостола Андрея, 1996. С. 207–208.
3. Там же. С. 210.
4. Історія релігій в Україні. Т. 3. Православ'я в Україні. / За ред. А.Колодного, В.Климова. К., 1999. С. 348.
5. Там же. С. 348–349.
6. Ульяновський В. Церква в Українській Державі 1917–1920 рр. (доба Української Центральної Ради). К., Либідь, 1997. С. 40–41.
7. Там же. С. 52–53, 62.
8. Історія Християнської Церкви на Україні. С. 60.
9. Надтока Г.М. Православна Церква і процес українського національного відродження 1900–1917 років. К., 1996. С. 55.

10. Власовський І. Нарис історії Української Православної Церкви. Т. 4. Ч. 1. К., 1998. С. 8.
11. Там же. С. 12.
12. Ульяновський В. Церква в Українській Державі 1917–1920 рр. (доба Української Центральної Ради). С. 90.
13. Там же. С. 95–97.
14. Там же. С. 124–125.
15. Власовський І. Указ. соч. С. 15.
16. Ульяновський В. Церква в Українській Державі 1917–1920 рр. (доба Української Центральної Ради). С. 137.
17. Там же. С. 140–142.
18. Власовський І. Указ. соч. С. 18–19.
19. Ульяновський В. Церква в Українській Державі 1917–1920 рр. (доба Української Центральної Ради). С. 150.
20. Там же. С. 170, 182.
21. Власовський І. Указ. соч. С. 28–29.
22. Ульяновський В. Церква в Українській Державі 1917–1920 рр. (доба Гетьманату Павла Скоропадського). К. Либідь, 1997. С. 43.
23. Там же. С. 314–316.
24. Там же. С. 236–237.
25. Поспеловський Д. Указ. соч. С. 221–222.
26. Власовський І. Указ. соч. С. 53.
27. Ульяновський В. Церква в Українській Державі 1917–1920 рр. (доба Гетьманату Павла Скоропадського). С. 36, 302.
28. Власовський І. Указ. соч. С. 58.
29. Андрусишин Б. Церква в Українській Державі 1917–1920 рр. (доба Директорії УНР). К., Либідь, 1997. С. 10.
30. Андрусишин Б. Церква в Українській Державі 1917–1920 рр. (доба Директорії УНР). С. 42.
31. Там же. С. 73.

32. Липинський В. Релігія і Церква в історії України. К., Вид-во "Рада", 1995. С. 18–19, 72–73.
33. Історія релігій в Україні. С. 363–364.
34. Андрусишин Б. Указ. соч. С. 58.
35. Історія релігій в Україні. С. 365.
36. Ульяновський В. Церква в Українській Державі 1917–1920 рр. (доба Української Центральної Ради). С. 4.
37. Фотиев Кирил, прот. Попытки украинской церковной автокефалии в XX веке. // Православная Церковь на Украине и в Польше в XX столетии, 1917–1950 гг. Сборник. М., 1997. С. 29.
38. Власовський І. Указ. соч. С. 73–74.
39. Фотиев Кирил, прот. Попытки украинской церковной автокефалии в XX веке. // Православная Церковь на Украине и в Польше в XX столетии, 1917–1950 гг. Сборник. М., 1997. С. 29.
40. Історія релігій в Україні. С. 366.
41. Фотиев Кирил, прот. Указ. соч. С. 32.
42. Там же. С. 33–34.
43. Там же. С. 36–38.
44. Там же.
45. Власовський І. Указ. соч. С. 88.
46. Там же. С. 90–92.
47. Історія Християнської Церкви на Україні. С. 64–65.
48. Фотиев Кирил, прот. Указ. соч. С. 39–40.
49. Там же. С. 42; Власовський І. Указ. соч. С. 108; Історія релігій в Україні. С. 369.
50. Власовський І. Указ. соч. С. 116–117.
51. Пащенко В.О. Держава і православ'я в Україні: 20–30-ті роки ХХ ст. К., 1993. С. 28.
52. Фотиев Кирил, прот. Указ. соч. С. 46.
53. Історія релігій в Україні. С. 370–371.

54. Власовський І. Указ. соч. С. 134.
55. Там же. С. 131-133; Фотиев Кирилл, протоиерей. Указ. соч. С. 50–51.
56. Поспеловський Д. Указ. соч. С. 242–247.
57. Там же. С. 245.
58. Пащенко В.О. Указ. соч. С. 18–20.
59. Там же. С. 60.
60. Там же. С. 63–64.
61. Там же. С. 66, 69–70.
62. Поспеловський Д. Указ. соч. С. 249–250.
63. Там же. С. 247.
64. Пащенко В.О. Указ. соч. С. 71–72.
65. Там же. С. 73–76.
66. Історія релігій в Україні. С. 396.
67. Там же. С. 397.
68. Пащенко В.О. Указ. соч. С. 76–77.
69. Бердяев М.А. Истоки и смысл русского коммунизма М., 1990. С. 147.
70. Митрополит Василь Липківський: матеріали до біографії. К., 1993. С. 28.
71. Історія Християнської Церкви на Україні. С. 67–68.
72. Там же. С. 66–67.
73. Там же. С. 68.
74. Пащенко В.О. Указ. соч. С. 80–83.
75. Там же. С. 87–91; Історія релігій в Україні С. 398–399.
76. Там же. С. 400–401; Пащенко В.О. Указ. соч. С. 91–96; Митрополит Василь Липківський... С. 5.
77. Пащенко В.О. Указ. соч. С. 99–100; Історія релігій в Україні. С. 401–402.
78. Пащенко В.О. Указ. соч. С. 101.
79. Історія Християнської Церкви на Україні. С. 69.

80. Цит. по: Архиепископ Леонтий. Украинские шовинисты и самосвяты. // Русский пастырь, 1995. № 22–23. С. 184–186.

81. Власовський І. Указ. соч. С. 154.

82. Пащенко В. О. Указ. соч. С. 86; Історія Християнської Церкви на Україні. С. 69–70.

83. Пащенко В. О. Указ. соч. С. 78–79.

84. Там же. С. 118–155.

85. Свитич А.К. Православная Церковь в Польше и ее автокефалия. // Православная Церковь на Украине и в Польше в XX столетии 1917–1950 гг. Сборник. М., 1997. С. 92–96.

86. Історія Християнської Церкви на Україні. С. 70.

87. Свитич А.К. Указ. соч. С. 98–122.

88. Там же. С. 123–125.

89. Історія Християнської Церкви на Україні. С. 71.

90. Там же; Свитич А.К. Указ. соч. С. 132–133, 137.

91. Історія релігій в Україні. С. 376.

92. Історія Християнської Церкви на Україні. С. 71–72; Історія релігій в Україні. С. 377.

93. Там же. С. 381.

94. Свитич А.К. Указ. соч. С. 227–228.

95. Історія релігій в Україні. С. 404.

96. Свитич А.К. Указ. соч. С. 256–261.

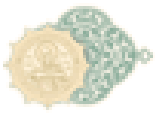
97. Історія релігій в Україні. С. 409–410.

98. Там же. С. 407–408; Свитич А.К. Указ. соч. С. 267.

99. Там же. С. 267–268; Історія релігій в Україні. С. 412–413.

100. Там же; Свитич А.К. Указ. соч. С. 268–269.

101. Шкаровский М.В. Политика нацистской Германии по отношению к Русской Православной Церкви в 1941–1945 гг. // Церковно-исторический вестник. 1999. № 2–3. С. 263, 267, 272–273, 274–275, 278–279.

102. Історія релігій в Україні. С. 414–442.
103. Свитич А.К. Указ. соч. С. 287–290; Історія Христ
янської Церкви на Україні. С. 75–76.
104. Там же. С. 77–78.
105. Там же. С. 18–19.
106. Український Православний Вісник. 1990. № 9. С. 1.
107. Собор Украинской Православной Церкви 1–3 нояб
1991 г. Издание Украинской Православной Церкви. К., 199
С. 5–7, 51–55.
108. Белецкий М., Абессонова Л. Религиозная ситуация в
Украине. // Православный церковный календарь, 1996. В
давничий відділ УПЦ. С. 135–136.
109. Там же. С. 137.
110. Цит.по: Видеозапись заседаний I Украинского межр
лигиозного форума 19–20 ноября 1991 г. в Киеве.
111. Церковно-релігійна ситуація в Україні. // Національн
безпека і оборона, 2000. № 10. С. 9–12.

* Архиепископ Полтавский Парфений незадолго до кончи
ны хотел обеспечить себе достойного преемника. Состоялас
хиротония во епископы вдового протоиерея Григория Лизо
вского, назначенного епископом Лубенским, викарием Полтав
ской епархии. После смерти архиепископа Парфения в 1922 г
епископ Григорий занял его место, а на Лубенскую кафедру бы
хиротонисан, по требованию украинских кругов, Феофил Бул
довский, также из вдовых протоиереев. Когда в 1923 г. возник
ла необходимость хиротонисать еще одного викария для Пол
тавской епархии, был избран архимандрит Сергей (Лабунцев)

*Архиерейский Собор РПЦ 18–23 февраля 1997 г. отлу
чил монаха Филарета от Церкви и предал его анафеме.